

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

МЕРТВОЕ ВРЕМЯ



**МЕСТЬ — ЭТО БЛЮДО, КОТОРОЕ СЛЕДУЕТ
ПОДАВАТЬ ХОЛОДНЫМ**

ПРОДАНО
13 000 000
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

Питер Джеймс

Мертвое время

Серия «Детектив Рой Грейс», книга 9

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6256959
Мертвое время / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова.: Издательство
Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04754-0

Аннотация

Суперинтендент Рой Грейс расследует дело о дерзкой краже со взломом, во время которой подверглась зверским истязаниям старая женщина, впоследствии скончавшаяся в больнице. Похищены антикварные вещи общей стоимостью примерно десять миллионов фунтов. По мере того как детектив и его команда криминалистов обнаруживают все новые факты, становится ясно, что один из главных действующих лиц кровавой драмы — Гэвин Дейли, девятиностопятилетний брат погибшей, и через него можно выйти на преступные сообщества не только Брайтона, но и Нью-Йорка...

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	14
5	17
6	23
7	28
8	33
9	38
10	41
11	45
12	51
13	55
14	61
15	64
16	70
17	73
18	81
19	88
20	90
21	99
22	109
23	116

24	119
25	126
26	133
27	140
28	143
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Питер Джеймс

Мертвое время

Copyright © Really Scary Books / Peter James 2013

©Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

©Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

©Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящаю Пату Лэнигану. Этой книги не было бы, если бы ты не поделился со мной своей семейной историей

Бруклин, февраль 1922 года

Отец мальчика поцеловал его на ночь в последний раз — хотя ни тот ни другой этого не знали.

Мальчик никогда не засыпал без этого поцелуя. Каждый вечер, отправившись в постель, он долго-долго лежал в темноте, не смыкая глаз и ожидая, когда же дверь комнаты откроется и он увидит свет на лестничной площадке. Потом слышатся тяжелые шаги, зашкрякают половицы, и на пороге возникнет неясная фигура.

— Эй, малыш, еще не спишь? — скажет отец глубоким, низким голосом.

— Не, па, не сплю. Можно посмотреть на твои часы?

Вытащив часы из кармана, отец держит их за цепочку. Они блестящие, с большим круглым циферблатом, с заводной головкой и ободком, в который просунута цепочка, на самом верху. В верхней половине циферблата есть секция, которая показывает фазы луны. Небо позади луны темно-синее, а звезды — золотые. Иногда луну почти не видно, она едва выглядывает, но бывает и так, что она полная — красновато-желтый диск.

Каждый вечер мальчик просит отца рассказать сказку о Человеке, который жил на Луне. Отец всегда рассказывает. Затем ерошит сыну волосы, целует его в лоб и спрашивает:

— Не забыл помолиться?

Нет, не забыл, вертит головой мальчик.

— Тогда давай-ка спать.

Отец тяжелой походкой выходит из комнаты и закрывает за собой дверь.

Так было и в этот самый последний раз.

Четверо мужчин шли, пошатываясь, по улице к дому человека, которого намеревались убить. У троих походка была нетвердой — хватили лишнего для храбрости, — у четвертого еще и из-за деревянной ноги.

Они успокоили нервы, подзарядившись спиртным, подбодрили друг друга под звон пивных бокалов и стаканов с виски в переполненном баре «Винигар-Хилл». Тот, что с деревянной ногой, не был уверен, что они поступают правильно, но все равно пошел с товарищами, потому что именно так и должно делать, когда ты в банде. Или идешь со всеми, или тебя тоже убивают.

Время близилось к полуночи, и улица была темной и пустынной, монотонный дождь стучал по булыжной мостовой. Каждый имел при себе пистолет, двое захватили еще и биты, которые спрятали под плащами. Ночь выдалась холодной, в такую и собаку из дому не выгонишь. У всех четверых на руках были перчатки без пальцев.

— Это здесь, — сказал вожак, взглядевшись в номер на входной двери многоквартирного дома. Изо рта и ноздрей его, словно дым, вырвался пар.

Номер 21 значилось на двери.

— Уверен, что здесь?

— Уверен.

— А где Джонни?

— Скоро будет, он уже вышел.

Даже в темноте дом выглядел ветхим и убогим, как и все соседние в этом прибрежном районе Бруклина. В занавешенном окне справа от двери света видно не было. Они вытащили из карманов вязанные шапки-балаклавы и натянули на мокрые от дождя головы. Вожак поднял руку с бейсбольной битой и шагнул вперед.

В одной пижаме, уютно свернувшись комочком под толстым одеялом, мальчик лежал в темноте, прислушиваясь к тиканью больших круглых часов, что висели на стене в его комнате. Прислушиваясь к знакомым ночным звукам. Гудкам корабля, проходящего по бурлящим черным водам протекающей неподалеку Ист-Ривер. Громоуханию поезда где-то вдаль. Скрипу кроватных пружин за тонкой стеной спальни родителей. Приглушенным вскрикам матери. Глухим стонам отца. Тихому стуку дождевых капель по крыше прямо над головой. У ночи были свои собственные звуки. Своя собственная музыка.

Звон разбившегося стекла к ним не относился.

Он замер. Звук был такой, словно шел откуда-то снизу, прямо под ним. Неужели кот опрокинул пустую бутылку из-под виски или стакан, остававшийся каждый вечер после отца? Затем он услышал шаги на лестнице. Не папины. Папа уже наверху, в постели.

И шаги эти принадлежали не одному человеку, а нескольким.

Он лежал неподвижно, буквально оцепенев от страха. Дверь открылась. Сильный свет ударил в лицо, ослепил, и он закрыл глаза. Услышал шаги в своей комнате. Чужаков было несколько, и мальчик, поняв это, задрожал от ужаса.

Уловил запах табака, алкоголя, мокрой одежды и пота. Почувствовал, как к горлу подступает комок; у него сперло дыхание, отчаянно забилося сердце. Он открыл глаза, но увидел лишь слепящий свет. Трепеща от ужаса, он вновь закрыл глаза. Услышал приближающиеся к кровати шаги.

На его голову опустилась рука, игриво потрепала по щеке, обжигая кожу колючей шерстью.

Затем — голос, грубый, но тихий, с ирландским акцентом, прямо над ним.

— Просто зашли провести тебя, малыш.

— Вы... вы... вы разбудите моих папу и маму, — пробормотал он заикаясь, внезапно обнаружив в себе силы заговорить и открыть глаза. Но единственное, что увидел, — все тот же яркий, слепящий свет.

— А где мы можем их найти?

Прищурившись, он указал на стену.

— Там, в той комнате. — Он приложил палец к губам. — Они спят. Тише. Вы разбудите их и сестру тоже. — Быть может, теперь, когда он сказал им, они уйдут.

Бивший в глаза луч фонарика переместился в сторону. Все еще ослепленный, какое-то время он видел перед собой лишь яркие красные пятна. Потом услышал звук шагов — чужие люди удалялись на цыпочках. Скрипнула половица. Закрылась дверь.

Может быть, ушли? В доме часто бывали гости, могли прийти даже ночью. Пьяные, курящие, кричащие, смеющиеся-

ся, спорящие. Они часто ругались, иногда даже дрались. Когда дрались, отец выставлял их за дверь. Он был крупный мужчина. Никто не смел перечить его отцу.

Мальчик натянул одеяло на голову, чтобы они не увидели его, если вернутся.

Через несколько секунд он услышал, как проревел что-то отец. Потом до него донесся звук удара, еще один. Пронзительный вопль матери. Ужасный, ужасный вопль.

— Оставьте, оставьте, оставьте его! — закричала она. — Пожалуйста, не надо! Прошу вас. Не забирайте его!

Потом он услышал, как один из незнакомцев громко сказал:

— Одевайся!

И дрожащий голос матери:

— Куда вы его забираете? Пожалуйста, скажите мне. Куда вы его забираете?

Прошла минута. Оцепеневший, весь дрожа, мальчик за- таился под одеялом.

Снова закричала мать:

— Нет! Вы не можете! Не можете его забрать! Я вам не позволю!

Затем — пять громких глухих звуков, словно где-то рядом что-то несколько раз с силой ударилось о дверь.

— Ма! Па! — закричал он, задрожав всем телом от страха за родителей.

Теперь шаги звучали уже гораздо громче, будто тем, что

спускались по лестнице, было уже все равно — услышат их или нет. Со щелчком открылась входная дверь, взревел мотор, заскрежетали шины. И никакого звука закрывающейся двери. Лишь эхом отдававшиеся в его голове ужасные крики матери.

Потом наступила тишина.

Но такая, что стучала в ушах, словно молот.

Он лежал, прислушиваясь, под одеялом. Тишина. Лишь оглушительный грохот в ушах и шум его собственного учащенного дыхания. Быть может, это был всего лишь кошмарный сон? Его трясло с ног до головы.

Спустя какое-то время он выбрался в полной темноте из постели и, как и был, в одной пижаме, засеменял по холодному скрипучему дощатому полу к двери, с трудом нащупал ручку и, споткнувшись о порог, выбрался на лестничную площадку. Тянуло ледяным сквозняком, словно входную дверь действительно оставили открытой. В воздухе стоял едва уловимый запах автомобильных выхлопных газов.

Ощутил он и другие, незнакомые запахи. Затхлый запах масла, еще один, более приятный и интенсивный, смутно напоминавший тот, что был знаком ему по фейерверкам, случавшимся в праздничный день 4 июля. И еще один, с привкусом металла.

Пошарив по стене, он нащупал выключатель и включил свет. И на мгновение пожалел об этом. Уж лучше бы мрак окружал его вечно. Тогда бы он этого не увидел.

Лежавшая лицом вверх на полу у кровати, мать выглядела просто ужасно. Из плеча ее сочилась кровь, по ночной рубашке расплзлось огромное багровое пятно. Повсюду — на стенах, простынях, наволочках, потолке — кровь. Темные

волосы матери тоже все были в крови, голова разворочена, открывая что-то влажное, шишковатое, бурого и серого цвета. Она подергивалась и тряслась.

Потом, словно кто-то дотянулся и опустил рубильник, замерла.

Он бросился к ней крича:

— Мама! Мама! Она не ответила.

— Мама, проснись! — Он потряс ее за плечо. — Мама, где папа? Мама!

Она даже не пошевелилась.

Он упал на колени, приник к ней и принялся целовать.

— Мама, проснись, мама! — Он тряс ее что есть силы. —

Проснись, мама! Где папа? Где мой папа?

Никакой реакции.

— Мама! — Он уже кричал, придя в замешательство. —

Мама! Мама! — Его руки и лицо испачкались в чем-то липком. — Мама, проснись, мама, проснись!..

— Что происходит, Гэвин? Что происходит? — послышался голос сестры.

Он отпрянул, отступил на шаг назад, потом, пошатываясь, еще на пару шагов. По-прежнему пятясь, вышел за дверь. И наткнулся на сестру Эйлин, которая была на три года его старше, — в одной ночной рубашке, она жевала свою косичку, как делала всегда, когда ей было страшно.

— Что происходит? — спросила она. — Я слышала шум. Что происходит?

— Где папа? Где папа? Папа пропал! — По его лицу уже текли слезы.

— Разве он не в постели?

Он покачал головой:

— Он ушел с теми плохими людьми.

— С какими плохими людьми?

— Где папа? Он должен разбудить маму! Она никак не хочет просыпаться.

— Какими плохими людьми? — вновь спросила Эйлин, уже настойчивее.

На лестничной площадке — кровь. Капли крови на ступенях. Он сбежал вниз, зовя отца, и выскочил за дверь.

На улице ни души.

Он ощутил капли дождя на лице, уловил резкий запах реки. На какие-то мгновения его крики потонули в грохоте проходившего где-то вверху очередного поезда.

Брайтон, 28 июня 2012 года

Издалека он выглядел так, словно сошел с картинки. Элегантный, не то что эта приморская брайтонская толпа в кричащих пляжных нарядах, сандалиях, вьетнамках и кроках. Настоящий джентльмен — надменная внешность, синий блейзер с серебристыми пуговицами, тщательно отутюженные слаксы, рубашка апаш, модный шейный платок. Лишь при ближайшем рассмотрении можно было заметить, что воротник рубашки заметно поизносился, блейзер изъеден молю, а зачесанные назад волосы давно поредели и вследствие неаккуратной окраски приобрели рыжевато-серый оттенок. Лицо тоже изрядно потрепанное — от той бледности, что приходит с тюремной жизнью, быстро не избавишься. Однако, несмотря на столь жалкую наружность и маленький рост — пять футов три дюйма на высоких кубинских каблуках, — расхаживал он по набережной с видом столь важным, словно именно ему и принадлежал весь этот променад.

Глаза совершавшего утренний моцион Эмиса Смолбоуна пылали ненавистью за стеклами солнцезащитных очков. Ненавидел он буквально все. Приятную теплоту этого июньского утра. Велосипедистов, пробренчавших звоночками, когда он случайно оказался на выделенной для них полосе. Тупых туристов с обгоревшей на солнце толстой кожей, пич-

кающих себя всякой дрянью. Вышагивающую руку об руку молодую пару, у которой вся жизнь впереди.

В отличие от него.

Раньше он ненавидел тюрьму. Ненавидел других зэков — даже больше, чем охранников. Может, когда-то он и был заметным игроком в этом городе, но все это ушло, когда его бросили за решетку. Вести оттуда прежнюю, весьма прибыльную, торговлю наркотой не представлялось возможным.

Теперь же, выйдя по условно-досрочному, он ненавидел свою свободу.

Когда-то у него было все: большой дом, дорогие тачки, скоростная моторная лодка и вилла в Марбелье, в испанской Коста-дель-Соль. Теперь от этого не осталось ни хрена. Жалкие несколько тысяч фунтов, пара часов да кое-какие краденые антикварные драгоценности, спрятанные в той единственной депозитной ячейке, на которую полиции не удалось наложить лапу.

И всем этим он был обязан одному-единственному человеку.

Детективу-суперинтенденту Рою Грейсу.

Он пересек оживленную четырехполосную Кингс-Роуд, не став дожидаться зеленого света. Вокруг тормозили машины, водители сигналили, сыпали проклятиями и грозили кулаками, но ему на все это было плевать. Его семья когда-то заправляла в преступном мире этого города. Всего пару десятилетий назад никто бы и шикнуть на одного из Смолбо-

унов не осмелился. Пошли они все, презрительно подумал он.

Не пройдя и десятка ярдов по мостовой, он бросил взгляд на газетный киоск и как вкопанный замер на месте: с первой страницы «Аргуса» на него смотрело жесткое, серьезное лицо проклятого копа. Коротко подстриженные волосы, голубые глаза, перебитый нос, чуть выше — заголовок:

ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ СУД НАД БРАЙТОНСКИМ ЧУДОВИЩЕМ

Он купил газету и пачку сигарет, как делал каждый день, и заполнил лотерейный билет, без особой, впрочем, надежды.

Немногим позже, вернувшись в свою квартиру, Эмис Смолбоун сидел в ободравшемся, с проседающими пружинами кожаном кресле — на столике перед ним стакан «Чивас Регал», в зубах тлеющая сигарета — и с интересом читал об этом деле. Веннер обвинялся в убийстве, киднеппинге и продаже запрещенного видео. Год назад один из подчиненных суперинтендента Роя Грейса получил пулевое ранение при попытке арестовать Веннера. Жаль, не сам Грейс. Уж лучше бы попали в него, да так, чтоб уже не выкарабкался.

Вот было бы чудесно!

Но не так чудесно, как то, что он задумал. Просто умерев, детектив-суперинтендент Грейс слишком дешево бы отде-

лался. Он хотел, чтобы коп страдал по-настоящему. До конца его жизни. О да. Так будет намного лучше. Нужно причинить ему такую боль, которая не покинет его никогда!

Смолбоун затянулся сигаретой, потом затушил ее в пепельнице и до дна опустошил стакан. В тюрьму он попал относительно молодым пятидесятилетним мужчиной, вышел же из нее шестидесятидвухлетним стариком. Детектив-суперинтендент Грейс отнял все, что у него было. А главное — забрал эти важнейшие двенадцать лет его жизни.

Конечно, тогда Грейс еще не был детективом-суперинтендентом — обычный выскочка, только что ставший инспектором, который насел на него, избрал мишенью, подделал улики и раскрутил дело, — такой умный, такой, мать его, ловкий. Именно «благодаря» Грейсу он и вынужден сидеть теперь в этой грязной съемной квартире, с ее дешевой мебелью и табличками «Не курить!» на стенах в каждой комнате. Мало того, ему еще приходится регулярно отмечаться, едва ли не до земли кланяясь, у этого чертова инспектора по надзору.

Он отложил газету в сторону, встал и, слегка пошатываясь, направился в небольшую вонючую кухню, где прихватил из холодильника несколько кубиков льда и бросил в стакан. Только что пробило полдень, и он упорно думал. Думал о том, как приятно будет заставить Роя Грейса страдать. Только это поддерживало его сейчас в тонусе. Вся нация жила мыслями о предстоящей Олимпиаде, которая начиналась

уже через месяц. Но до забот и чаяний соотечественников ему не было никакого дела; главное для него — по квитаться с Роем Грейсом.

Только об этом он и мог думать.

Вскоре он воплотит свой план в жизнь. Губы скривились в ухмылке. Осталось лишь найти подходящего человека. Вспомнить кое-какие имена, известные ему еще с той, дотюремной жизни, обновить знакомства, которые завел за решеткой. Но кого ни выбери, обойдется это недешево, а с наличными у него сейчас негусто.

Зазвонил телефон. Номер не определен, высветилось на дисплее.

— Да? — ответил он с опаской.

— Эмис Смолбоун? — произнес незнакомый голос с грубым брайтонским акцентом.

— Кто вы? — спросил он холодно.

— Мы встречались как-то раз, давным-давно, но вы вряд ли меня помните. Мне нужна кое-какая помощь. У вас ведь есть знакомые среди антикваров, не так ли? За границей? Таких, что занимаются дорогими вещами?

— А что, если и есть?

— Я слышал, вы нуждаетесь в деньгах.

— А вы не слышали, что вам не следовало бы звонить мне на этот гребаный мобильник?

— Да, знаю.

— Тогда какого хрена звоните?

— Речь идет о куче денег. Нескольких миллионах фунтов.

— А можно поподробнее? — попросил Эмис Смолбоун с внезапно пробудившимся интересом.

Звонивший уже отключился.

Они были правы, подумал Рой Грейс, все те, что твердили: с рождением ребенка его жизнь круто изменится. Он зевнул — нескончаемые беспокойные ночи, когда Клио вскакивала каждый раз для того, чтобы покормить проснувшегося Ноя или сменить ему памперс, не могли пройти даром. Один из его коллег, Ник Николл, недавно впервые ставший отцом, говорил, что спит в другой комнате, куда не доносятся никакие посторонние звуки и где он может спокойно передохнуть. Но Рой для себя решил: он так делать не будет. Ребенка хотели они оба — и Клио, и сам он, — так что устранившись от заботы о малыше он не мог. Но, черт возьми, сегодня он чувствовал себя уставшим, а еще немного запущенным и грязным, — стоял жаркий августовский день, и хотя все окна были открыты, воздух оставался неподвижным, душным и влажным.

По телевизору показывали в записи церемонию закрытия Олимпийских игр, прошедшую чуть менее двух недель назад. Тем вечером, когда она шла в прямом эфире, они оба уснули где-то на ее середине. Сколько Рой себя помнил, он никогда в жизни так не уставал, и это сказывалось на его способности сосредоточиться на работе. Он определенно страдал от того, что некоторые называли синдромом «детского

мозга»¹.

Рэй Дэвис из группы «Кинкс», одной из самых его любимых, пел Waterloo Sunset, и он немного добавил звука. Но Клио от книги даже не оторвалась.

Грейс недавно перешел свой Рубикон — ему стукнуло сорок. В последние пару лет он ждал этого рубежа со все нарастающей боязнью. Когда же день наконец наступил, они с Клио так умаялись, что даже не подумали о каком-то особом его праздновании — просто открыли бутылку шампанского и уснули прежде, чем выпили даже половину.

Теперь у них появился новый повод для торжества. На этой неделе, после многолетнего ожидания, Сэнди, его жена, была официально объявлена умершей, и отныне ничто не мешало ему жениться на Клио.

Сэнди пропала в день его тридцатилетия, десять лет назад, а он так и не знал, что с ней случилось: жива ли она — он продолжал в это верить — или же давно мертва, как утверждали друзья и родственники, и что, вероятно, было правдой. Так или иначе, сейчас, впервые за все эти годы, Рой испытывал некоторое облегчение, вместе с которым пришло и осознание того, что можно двигаться дальше. Сыграло свою роль и то, что он наконец-таки нашел покупателя на дом, в котором жил когда-то с Сэнди.

¹ Синдром «детского мозга» — предполагаемый синдром у беременных и только что родивших женщин. Считается, что мозг у них концентрируется в первую очередь на потребностях ребенка, что ведет к забывчивости, рассеянности и кратковременной потере памяти. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Рой с любовью — и с безнадежной гордостью — посмотрел вниз, на своего полуторамесячного сына. На крошечное ангелоподобное создание с похожими на бутон розы губками, пухленькими розоватыми ручками и пальчиками, как у куклы из магазина игрушек. Ной Джек Грейс, в детском комбинезоне без рукавов, лежал, убаюканный им, с закрытыми глазами у него на коленях. За тонкими прядями светлых волос проглядывала кожа черепа. Рой видел в его лице черты как Клио, так и себя самого, и иногда Ной едва заметно озадаченно хмурился, чем напоминал Грейсу покойного отца — полицейского, как и он сам. Он сделает все для Ноя. Умрет ради него, без малейших колебаний.

Клио сидела позади него, на диване, в черном топе-безрукавке, с чуть более коротко, чем обычно, подрезанными и собранными сзади светлыми волосами, с головой уйдя в «Пятьдесят оттенков серого». Дом пропитался молочным запахом детской присыпки и свежeweыстиранного белья. На игровом коврике на полу лежало несколько мягких игрушек, включая плюшевого медвежонка и Паровозик Томас. На самом верху этой горки покачивался игрушечный домик на колесиках с ярко раскрашенными животными и птицами.

Хамфри, их черный щенок, помесь лабрадора со сторожевой колли, угрюмо грыз кость в своей корзине в дальнем конце комнаты. Когда Ноя привезли домой, Хамфри наградила его парочкой пренебрежительных взглядов и, поджав хвост, уныло побрел прочь, словно сознавая, что не он теперь но-

мер один в глазах хозяев. С тех пор никаких перемен к лучшему в его настроении не происходило.

Рой Грейс щелкнул пальцами, подзывая пса к себе:

— Эй, Хамфри, подойди-ка сюда! Подружись с Ноем!

Хамфри ответил ему недружелюбным взглядом.

Был полдень вторника, и Рой Грейс на пару часов заскочил домой, потому что вечером его ждало долгое собрание, — в уголовном суде на Олд-Бейли должны пройти досудебные консультации по делу крайне мерзкого негодяя, Карла Веннера, организатора сети распространения садистских фильмов, которого Грейс арестовал в прошлом году. Суд был отложен на несколько недель, так как обвиняемый пожаловался на боли в груди, но, по заверениям докторов, его здоровью ничего не угрожало, и накануне процесс возобновился.

В этот момент Рой Грейс искренне верил, что никогда в жизни не был более счастлив. Но в то же время он ощущал и огромное чувство ответственности за крошечное, хрупкое создание, которое они с Клио принесли в этот мир. Какое будущее ждет Ноя? Каким будет мир через лет двадцать, когда он станет взрослым? Каким будет мир на протяжении этих двадцати лет, по прошествии которых Грейсу стукнет уже шестьдесят? Как он может изменить его? Сделать более безопасным для Ноя? Защитить своего ребенка от всего этого зла, от всех этих крыс вроде Веннера, коих полно в канализации жизни?

Что он может сделать, чтобы помочь сыну совладать со всем дерьмом, которое жизнь неизбежно изольет на него?

Боже, он так его любил. Он хотел быть самым лучшим отцом в мире и знал, что для этого должен посвящать сыну кучу времени. Времени, которое он хотел потратить на сына, времени, которого, при выбранной им карьере, никогда не будет хватать, подумал Рой с горечью.

С тех пор как Ной родился, Грейс проводил с ним гораздо меньше времени, чем рассчитывал, — из-за загруженности на работе. Если повезет, если не случится ничего серьезно-го, то, может быть, уик-энд получится относительно свободным. Он был дежурным старшим следователем, и его неделя заканчивалась в шесть утра понедельника. Обычно все старшие следователи рассчитывали на громкое убийство, такое, которое могло бы привлечь внимание прессы и позволило им блеснуть, засветиться перед главным констеблем. Но прямо сейчас Рой Грейс надеялся на то, что телефон будет молчать.

Сбыться его надеждам было не суждено.

В дверь пожилой дамы постучали в третий раз.

— Иду! — выкрикнула она. — Господи, да иду же!

Она выключила огонь под кастрюлей с кипящей водой и зелеными бобами, ухватила за ходунки и начала продвигаться к выходу из кухни.

И тут зазвонил телефон. Она замерла в нерешительности. Где бы, в Англии или во Франции, ни находился ее брат, он звонил ежедневно в семь часов пополудни, минута в минуту, чтобы проверить, все ли с ней в порядке. Сейчас было ровно семь. Схватив телефонную трубку с укрупненными цифрами для слабовидящих, она прокричала, перекрывая громкую мелодию из идущего по телевизору сериала «Ферма Эммердейл»:

— Подожди минутку, ладно?

Но ответил ей не брат. Незнакомый мужчина, помоложе брата, проговорил приятным, мягким голосом:

— Я отвлеку вас всего на пару секунд.

— Ко мне кто-то пришел! — прокричала она, не без труда убавив звук в телевизоре при помощи пульта. Затем прикрыла трубку подагрической рукой.

Несмотря на почтенный возраст, голос ее звучал по-прежнему бодро. «А вот во всем прочем я уже дряхлая старуха», — подумала она с сожалением.

— Вам придется подождать. Я разговариваю по телефону! — крикнула она, обращаясь к постучавшему в дверь. Потом подняла руку. — Я вас слушаю, но будьте, по возможности, кратки.

— Позвонить вам мне посоветовал один ваш добрый друг, — сказал мужчина.

— И кто бы это мог быть?

— Джерард Скотт.

— Джерард Скотт?

— Он просил передавать вам привет.

— Не знаю я никакого Джерарда Скотта!

— Мы ежегодно экономим ему две с половиной тысячи фунтов на счетах за отопление.

— Да? И как же? — спросила она с некоторым нетерпением и перевела взгляд на дверь. Беспокоило ее и другое — бобы могли застояться в горячей воде.

— На следующей неделе в вашем районе будет работать наш представитель. Он мог бы зайти к вам в удобное для вас время.

— И что именно предлагает ваш представитель?

— Теплоизоляцию перекрытий.

— Теплоизоляцию перекрытий? А на кой она мне сдалась, эта ваша теплоизоляция перекрытий?

— Мы ведущие специалисты в этой области. Наша теплоизоляция столь эффективна, что окупается всего за девять лет за счет экономии на отоплении.

— За девять лет, говорите?

— Совершенно верно, мадам.

— Дело в том, что мне и сейчас уже девяносто восемь.

Даже и представить себе не могу, что в возрасте ста семи лет меня будут волновать счета за отопление. И тем не менее большое спасибо.

Повесив трубку, она поплелась к входной двери.

— Иду уже! Сейчас буду!

Брат давно пытался убедить ее продать особняк и переехать в приют, но зачем ей это? Она прожила здесь уже более полувека. Здесь была счастлива со своим мужем, Гордоном, ушедшим из жизни пятнадцать лет назад, здесь подняла на ноги четверых детей, тоже уже умерших, создала некогда прекрасный сад, в котором и сейчас продолжала работать. С этим домом были связаны все ее воспоминания; здесь же находились и те чудесные картины и антикварные вещицы, которые они с мужем собирали на протяжении всей своей жизни — под разборчивым руководством ее брата. Однажды она уже меняла место жительства, и это не должно повториться. На сей счет она была непреклонна: если уж когда-то она и покинет это столь любимое ею место, то лишь ногами вперед.

Единственными уступками брату были «тревожная кнопка», которая висела на веревочке у нее на шее, и домработница, приходившая дважды в неделю.

Посмотрев в глазок на входной двери, в свете летнего ве-

вчера она увидела двух среднего возраста мужчин в коричневой форме с идентификационными карточками на груди.

Отодвинув в сторону дверную цепочку, она открыла дверь.

Они вежливо улыбнулись.

— Простите за беспокойство, мадам, — сказал тот, что стоял справа. — Мы из компании «Уотерборд». — Он поднес бейдж поближе к ее глазам.

Она была без очков, но ей понравился его ирландский акцент. Лицо на карточке выглядело слегка размытым, но все равно походило на лицо стоявшего перед ней мужчины с гладко выбритой головой. *Ричард Кэрролл*, значилось, как ей показалось, на бейджике, но уверена она не была.

— Чем могу помочь, джентльмены?

— Мы ищем протечку воды. Вы не замечали ослабления напора за последние сутки?

— Нет. Нет, не замечала. — Впрочем, в последнее время она много чего не замечала. И, как бы сильно это ее ни раздражало, с каждым днем она становилась все более и более зависимой от других. Однако же по-прежнему старалась держать под строжайшим контролем все, что могла.

— Вы не станете возражать, если мы зайдём и проверим напор воды? Не хотелось бы вынуждать вас платить за то, чем вы не пользуетесь.

— Упаси боже! — промолвила она, моргнув, с мягким дублинским акцентом. Все эти проклятые коммунальные

службы то и дело пытаются ободрать вас как липку, а она была не из тех, кто готов с этим смириться. Всегда тщательно проверяла счета за телефон, электричество, газ и воду. — Полагаю, я и так в последнее время плачу за воду слишком много.

— Тогда тем более следует все проверить, — произнес Ричард Кэрролл извиняющимся тоном.

— Входите.

Держась за ходунки одной рукой, она отступила в сторону, пропуская мужчин, после чего закрыла за ними дверь.

Ей сразу же не понравилось, как забегали у них глаза. Сначала они окинули взглядом висевшие на стенах великолепные, написанные маслом полотна, затем стоявший в коридоре столик в стиле Людовика XIV. Высокий комод Georgianской эпохи. Георгианский же сундук. Два чиппендейловских стула. Все это было когда-то приобретено по совету брата, превосходно разбиравшегося в антиквариате.

— С чего желаете начать ваши поиски, джентльмены?

Лишь краешком глаза она успела заметить, как взметнулся кулак одного из мужчин и ударил ее в живот, выбив из легких воздух. Она сложилась пополам, хилая рука потянулась к «тревожной кнопке».

Но ту сорвали с ее шеи прежде, чем она успела ее нажать.

Это ведь общепризнанный факт: любому состоятельному холостяку требуется жена, подумала констебль Сьюзи Холлидей, крепко сбитае женщина двадцати восьми лет, с вьющимися каштановыми волосами и неизменно жизнерадостным лицом. Эта мысль то и дело приходила ей в голову с того самого момента, как она проснулась утром. Накануне у нее был выходной, и, к неудовольствию ее мужа, Джеймса, большую часть дня она провела за просмотром всех шести эпизодов «Гордости и предубеждения», шедших по каналу Би-би-си, пичкая себя жирной вкуснятиной вперемешку со спиртным и выкурив целую пачку сигарет. Такой уж она была. Одну неделю вела здоровый образ жизни, занималась в спортзале, не курила, в следующую совершенно переставала за собой следить, превращаясь в неряху и лентяйку.

Другим общепризнанным фактом, решила она не к месту, может считаться и то, что любой, кто сидит на толчке со спущенными штанами, выглядит не самым лучшим образом.

Особенно если он мертв.

Запомни это. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не умирай в сортире.

Необходимость посещения уборной зачастую является предвестником сердечного приступа. Слишком многие умирают именно таким образом.

Как и вот этот полный пожилой мужчина, что сидел перед ними в мрачном узком туалете убогой квартиры «Домовой ассоциации», с ее голыми светло-голубыми стенами и грязным нижним бельем, носками и рубашками, валявшимися на полу в каждой комнате. Повсюду воняло: к прогорклому, неприятному запаху примешивался самый худший запах в мире — разлагающегося человеческого тела. Жильца звали Ральф Микс, и именно на него, судя по всему, она сейчас смотрела с отвращением и печалью одновременно. Как и все умершие более двух дней назад, он походил скорее на восковую фигуру, нежели на человеческое существо. Она всегда находила полнейшую неподвижность трупа не только жуткой, но и странно любопытной.

Его грузное тело заклинило между стенами. На руках выступила темно-каштановая сыпь, лицо и все открытые участки тела покрылись багряными и зелеными пятнами разложения. Назойливые мясные мухи ползали по лицу, шее и рукам, с жужжанием кружили вокруг тела.

Складки плоти прикрывали лобок, образуя своего рода навес над половыми органами. Голова мужчины была лысой, с небольшими пучками волос по бокам, в правом ухе — слуховой аппарат, на приоткрывшихся губах застыло выражение удивления, отразившееся и в изумленном безжизненном взгляде. Будто смерть, вновь подумала Сьюзи неуважительно, не входила в список того, что ему предстояло сделать в тот день, и уж тем более не такая недостойная.

В скудно обставленной гостиной работал телевизор. Шло дневное ток-шоу, в котором — вот ведь ирония! — обсуждали тяжелую участь людей преклонного возраста.

Она огляделась в поисках чего-либо личного, но ни на одной из стен не обнаружила ни фотографий, ни картин. Увидела лишь полную окурков пепельницу, рядом с ней — зажигалку, пачку сигарет, банку пива и наполовину пустой высокий стакан. На полу, возле стопки газет «Дейли миррор», валялись старые журналы по садоводству.

Очевидно, Ральф Микс умер уже достаточно давно, и рядом с ним в тот момент никого не оказалось. Печальная, но обычная история в больших городах. Они находились на втором этаже малоэтажного дома. Но у Ральфа Микса не было друзей, никто из соседей не озаботился тем, чтобы проверить, все ли с ним в порядке, никому не показался необычным тот факт, что газет в его почтовом ящике с каждым днем становится все больше и больше. Лишь когда тело начало разлагаться и коридор заполнил зловонный запах, все вспомнили про старика Микса.

Вонь в коридоре была ерундой по сравнению с той, что стояла в квартире. Вонь и жужжание мух. Сюзи затошнило, а ее коллега, констебль Дэйв Робертс, прикрыл нос рукой в перчатке.

Первым делом надлежало вызвать сержанта, который помог бы выяснить, была ли это естественная смерть или же она произошла при неких подозрительных обстоятельствах,

что подразумевало выезд по данному адресу сотрудников отдела по расследованию преступлений и опечатывание квартиры. Затем вызвать парамедика, который удостоверил бы факт смерти. Абсолютно ненужная в данном случае юридическая формальность. Потом известить кого-то из службы коронера. И наконец, если бы было решено, что в судебной экспертизе нет никакой нужды, последовал бы звонок в морг Брайтона и Хоува, откуда бы приехали за телом.

Внезапные смерти — или G5, как указывалось в соответствующем формуляре, — относились к категории самых нелюбимых у оперативников вызовов. Но Сьюзи Холидей ничего против них не имела, даже находила их интересными. Этот стал пятнадцатым за те три года, что она провела в составе опергруппы.

Повернувшись к коллеге, который был на восемнадцать лет ее старше, она сказала:

— Тебя ничто здесь не смущает?

Робертс покачал головой, ощутив внезапную слабость.

— Не-а. — Он пожал плечами. — Разве что... вот подумал, что когда-нибудь такое может случиться и со мной.

Сьюзи усмехнулась:

— Тогда уж лучше постараться избежать старости. Старение, знаешь ли, в конечном счете убивает.

— Да, я предпочел бы умереть молодым и с надетыми штанами.

Она наградила его лукавой ухмылкой.

— А разве это не зависело бы от того, с кем ты был?

Когда бы Рой Грейс ни выходил из дому, он всегда был начеку. После более чем двадцати лет службы в полиции это давно стало второй натурой — оглядеться в поисках чего-либо необычного или неуместного. У его бывшей жены, Сэнди, эта привычка вызывала раздражение. Как-то раз, в свои первые дни в качестве детектива-констебля, заметив, как какой-то мужчина умыкнул дамскую сумочку, висевшую на спинке стула в переполненном пабе, он преследовал воришку примерно с милю через весь Брайтон, прежде чем сбил его с ног регбийным захватом и произвел арест. На этом их вечер закончился, так как следующие четыре часа ему пришлось регистрировать задержание и заполнять бумаги.

Зачастую, когда они с Сэнди выходили перекусить, стоило ей лишь заметить его блуждающий взгляд, как она била его ногой по лодыжке под ресторанным столиком и шептала: «Довольно, Грейс, прекрати!»

Но это было выше его сил. В любом публичном месте он мог расслабиться, лишь наверняка зная, что рядом нет откровенных злодеев и ничто не указывает на возможное происшествие. Сэнди даже шутила, что в то время, как другим женам приходится следить за тем, чтобы их мужья не строили глазки незнакомым женщинам, она вынуждена мириться с тем, что ее супруг пялится на брайтонских уголовников.

Но было одно, о чем Рой Грейс никогда не говорил жене, потому что не хотел ее беспокоить: как и все полицейские, он знал: всегда есть вероятность подвергнуться нападению со стороны возжелавшего поквитаться злодея. Большинство преступников воспринимали арест как должное — одни рассматривали его как часть игры; другие видели в нем нечто неизбежное; третьи успокаивались сразу же, как только на них надевали наручники. Но были и такие, кто мог затаить обиду.

Судьи традиционно носят парики отчасти еще и для того, чтобы изменить внешность и чтобы позднее их не могли узнать те, кого они отправили за решетку. У полицейских никогда не было подобной защиты. Но если бы она и была, для того, кто твердо вознамерился это сделать, выследить их не составило бы особого труда.

Прямо сейчас один такой субъект сидел в машине, припаркованной у антикварного магазина, специализировавшегося на каминах, напротив ворот симпатичной линейки таунхаусов в центре Брайтона.

Субъект имел зуб на определенного офицера полиции Суссекса — детектива-суперинтендента Роя Грейса.

Там, в третьем доме слева, у копа был ребенок. Ему удалось достать планы дома в плановом отделе, где они заполнялись пятнадцать лет вместе с заявкой на дом, после чего старый склад превратился в семь таунхаусов.

Ребенок, должно быть, спал в крошечной комнатенке, ок-

на которой выходят на внутренний дворик.

Но больше всего мужчину в машине заинтересовало объявление агента по недвижимости — табличка, закрепленная на стене справа от кованых железных ворот, которая гласила: «ДОМ СДАЕТСЯ».

А забавно будет стать соседом Роя Грейса. И как удобно! Он получит возможность наблюдать за каждым его шагом. И ждать удобного момента.

Неужто возвращаются счастливые деньки?

Спустя два часа после посещения квартиры Ральфа Микса Сюзи Холидей и Дэйв Робертс вернулись к патрулированию брайтонских улиц. Сюзи была за рулем. Ей нравилась эта работа. Она называла ее «охотой». «Охотиться» приходилось все то время, когда не требовалось выезжать на вызовы.

Дэйв, в свои сорок шесть лет, был одним из старейших констеблей подразделения. Оперативная работа считалась игрой молодых и временами, когда требовалось вмешиваться в домашние разборки, останавливать драки в пабах или же преследовать воров и грабителей, крайне затратной в плане физических усилий. Но он состоял в отряде быстрого реагирования уже двадцать лет и не проявлял интереса ни к продвижению по службе и бумажной работе, которую таковое подразумевало, ни к переходу в какой-либо другой отдел полиции.

Если бы кто-то спросил его, за что он любит эту работу, Дэйв ответил бы так: за то, что никогда не знаешь, что случится в ближайшие пять минут. За это и за возможность погонять по городу с включенными сиренами, в чем, по признанию практически каждого офицера, обладавшего разрешением на ведение преследования, заключалось величайшее удовольствие данной работы.

Они ехали по Норт-стрит по направлению к Часовой башне, одному из наиболее высоких городских сооружений. Вглядываясь в лица людей, идущих по мостовым по обе стороны от дороги, выявляя в толпе возможных преступников. И все время прислушиваясь к закрепленным на предплечьях рациям. Ожидая следующего вызова из диспетчерской.

Стоял чудесный августовский день, время близилось к полудню. Начавшаяся в семь утра, смена должна была продлиться до четырех часов дня. Пока что они успели съездить на Брайтонский ипподром, где слышали выстрелы, — там, как оказалось, какой-то мужчина отстреливал кроликов. Затем, промчавшись через весь город, зафиксировали столкновение мотороллера с грузовиком, к счастью менее серьезное, чем можно было решить по звонку диспетчера. Потом последовал выезд на дом к женщине, просившей о помощи, — этот обернулся обычной ссорой с ребенком. Затем был мертвяк, Ральф Микс.

Последние полчаса прошли спокойно. Они уже подумывали о возвращении в полицейский участок на Джон-стрит, где можно было перекусить бутербродами, немного передохнуть и заполнить бумаги на Микса.

— Какие планы на уик-энд? — поинтересовался Дэйв Робертс у Сюзи.

Они давно уже работали в паре и неплохо уживались вместе.

— Схожу с Джеймсом на футбол. А ты?

— В субботу Максусу исполняется пятнадцать, — ответил он. — Мы с Мэрилин свозим его с парочкой друзей на пирс, в Палм-Корт. Там лучшая рыба и картофель фри во всем Брайтоне!

— Тиффани тоже поедет?

Тиффани была его дочерью-подростком.

Он уже собирался ответить, когда, затрещав, ожили рации.

— Чарли-Ромео-ноль-три?

— Чарли-Ромео-ноль-три на связи, — отозвался Дэйв.

— Чарли-Ромео-ноль-три, нам поступил звонок от мужчины, который обычно ежедневно общается по телефону со своей старшей сестрой. Он не может до нее дозвониться вот уже два дня и сильно беспокоится. Его сейчас нет в стране, иначе заехал бы проверить, все ли с ней в порядке, сам. Ее зовут Эйлин Макуиртер. Адрес следующий: Брайтон, Уитдин-Роуд, сто сорок шесть. Пожалуйста, займитесь этим. Второй уровень.

Все звонки из диспетчерской классифицировались по уровням — от первого до четвертого. «Первый уровень» предполагал немедленное реагирование, с нормативным временем пятнадцать минут. «Второй уровень» означал быстрое реагирование, с нормативным временем до одного часа, «третий уровень» — плановый выезд в течение нескольких дней, по предварительной договоренности. «Четвертый уровень» не влек за собой обязательного при-

сутствия полиции — проблема обсуждалась по телефону.

— Это Чарли-Ромео-ноль-три. Уже выезжаем. — Произведя быстрый подсчет, Дэйв Робертс добавил: — Будем на месте через пятнадцать минут.

Они переглянулись. Мертвяков не было уже несколько недель, вплоть до этого утра. Один их коллега пошутил, что они, мертвяки, словно автобусы. Ждешь-ждешь, а потом сразу два подтягиваются.

Сара Кортни беспокойно поерзала в синем откидном кресле. Пугали не игла и не боль, но целая куча всякой всячины. В том числе и тот факт, что через две недели ей стукнет сорок, а этой специфической вехе сопутствует, как известно, много чего нежелательного. Вроде морщин, которых становится все больше и больше, или начинающей проступать седины. Ее карьера ведущей новостей на местном канале постоянно находилась под угрозой со стороны более молодых, более свежих лиц.

Но больше всего ее пугал муж, Лукас. С каждым днем все больше и больше. Он терял способность здраво оценивать ситуацию и во всем, начиная от множасьихся игорных долгов до приступов импотенции (не последнюю роль в этом играло пьянство) и гнева, винил ее. Одной из постоянных мишеней его ярости была ее неспособность, после восьми лет непрерывных попыток, включая четыре ЭКО, забеременеть. У нее был сын от предыдущего брака, но отношения с отчимом у него, мягко говоря, не сложились; с ней самой, впрочем, тоже. Ссоры и ругань были отнюдь не редкостью в их доме.

Ройс Ревсон стоял в своей маленькой стерильной клинике, рядом с блоком технического оборудования, изучая отобразившуюся на дисплее массу зеленовато-голубых символов. В свои без малого пятьдесят шесть он выглядел макси-

мум лет на сорок пять. Приземистый, энергичный, буквально излучавший обаяние мужчина с короткими, черными как смоль волосами, он был в лиловой рубашке с короткими рукавами, «университетском» галстуке в полоску, черных брюках и синих хирургических перчатках. На лбу — инфракрасный окуляр. Отвернувшись от аппарата, врач наградил пациентку лучезарно-победоносной ребяческой улыбкой, преисполненной воодушевления и уверенности человека, выполняющего некую важную миссию.

И он в самом деле выполнял миссию — отвращал от женщин (а зачастую — и от мужчин) все ужасы старения при помощи химических веществ косметического назначения. Как и в случае с женщиной, что полулежала сейчас в синем откидном кресле, — темноволосой красавицей в черной блузке, черных легинсах и черных замшевых сандалиях с крупными пряжками.

Ее муж, как она, по примеру многих из его пациентов, призналась Ревсону, часто поднимал на нее руку. Один из ведущих городских антикваров, он отличался раздражительным нравом, который в последнее время заметно ухудшился ввиду падения продаж — отчасти из-за финансового климата, но в значительно большей мере из-за новых тенденций моды. Теперь люди желали, чтобы их дома выглядели по-современному.

Почему Сара не бросила этого мерзавца, оставалось загадкой, повторяемой — Ройс Ревсон знал это по собственному

опыту — женщинами раз за разом. Он надеялся, что сумеет помочь ей поддерживать привлекательный вид, чтобы, когда наконец дело все же дойдет до развода, она смогла бы обратиться на себя внимание другого и, как он надеялся, по-доброму расположенного к ней мужчины. Быть может, даже его самого? Но он отгонял от себя эту мысль еще прежде, чем она закрадывалась в голову. Крутить шуры-муры с пациентами — не вариант. Как бы заманчиво это ни выглядело. А Сара Кортни была женщиной действительно очень привлекательной.

В отличие от некоторых его клиенток, составлявших большой процент богатых и избалованных городских стерв, Сара была на удивление милой и доброжелательной особой. На протяжении тех двух лет, что она была его пациенткой, ему неплохо удавалось сохранять ее молодой и красивой — благодаря ботоксу, коллагену и лазерной фотокоагуляции время от времени проявлявшихся на щеках красных прожилок.

Заручиться доверием клиента, конечно, в немалой степени помогало то, что Ройс и сам пережил значительное количество нехирургических вмешательств. Как и несколько хирургических операций, о которых он предпочитал не упоминать, вроде разглаживания складок на шее и поднятия обвисших век. Он ненавидел то, что сам называл «тиранией старения», и посвятил большую часть своей жизни если не остановке или обращению вспять этого процесса, то по крайней мере минимизации его разрушительных последствий.

— Вы выглядите очень загоревшей, Сара, — сказал он.

— Я только что вернулась из Дубая.

— Отпуск?

Она кивнула.

— С мужем?

— Нет, с подругой — летаем туда каждый год. Мне в Эмиратах очень нравится. Произвожу там ежегодный шопинг.

Вот и хорошо — хоть немного побыла вдали от этого чудища. Он заметил блестящие часы «Картье танк» на ее запястье.

— Новые?

Она улыбнулась:

— Да, приобрела там. Пару лет назад наткнулась на один небольшой ювелирный магазинчик, в котором делают действительно высококачественные копии — не то что весь этот хлам. Его хозяин — первоклассный мастер, всего за несколько дней изготовит для вас что угодно по любому образцу.

— Моя жена давно мечтает об одном из этих браслетов от Картье, — сказал он и нахмурился. — Теннисные — так, кажется, они называются? Стоят целое состояние.

— Уверена, он мог бы изготовить такой для вас, и она ни за что бы не заметила разницы.

— А это законно?

Она пожала плечами.

— Я могу дать вам адрес его электронной почты. Пошлете ему фотографию того, что хотите, и он назначит свою цену.

— Хм, спасибо, возможно, я так и сделаю. — Опустив на глаза защитные очки, он принял иглу для подкожных инъекций от одной из двух ассистенток, одетых в одинаковые темно-синие блузки, и направился к пациентке по вымощенному серой и белой плиткой полу. — Ну что, готовы?

Сара кивнула. Она знала, что будет больно. Но боль была малой ценой за ту новую форму, которую должны были приобрести ее губы. «Без боли нет побед» — гласила одна из ее любимых поговорок. Ее-то она мысленно и повторяла сейчас.

Ройс ввел иглу под верхнюю губу.

Она поморщилась.

— Все в порядке? — спросил он.

Да, ответила она глазами. Без боли нет побед... Без боли нет побед... Без боли нет побед... Она безостановочно, беззвучно повторяла это, как мантру.

Он уверенно обработал сначала верхнюю, затем нижнюю губу.

— Пару дней будет похоже на аллергическую реакцию, затем все пройдет.

— Мне на телевидение только в среду.

— К тому времени вы будете выглядеть просто прекрасно.

— Вы так думаете?

— А разве обычно вы выглядите не так?

— Точно.

Ревсон улыбнулся. Конечно, только благодаря таким вот

клиентам он и сделался состоятельным человеком, но деньги никогда не служили для него мотивом. Каждый раз, когда красивая женщина вроде Сары Кортни вставала с кушетки с улыбкой на лице, он готов был торжествующе вскинуть руку вверх, показывая два расставленных пальца — знак виктории, победы — этому жестокому садисту, богу старения.

Уитдин-Роуд находилась в одном из самых престижных городских районов. Уединенные дома располагались далеко за высокими стенами или живыми изгородями из деревьев и кустарников на тихой, извилистой, утопающей в зелени улице. Сюзи Холидей медленно вела машину, пока Дэйв Робертс выискивал нужный дом. Четные шли по правой от них стороне улицы.

— Здесь! — сказал он.

Она миновала старые деревянные ворота, явно нуждавшиеся в починке, и покатила по петляющей, в рытвинах, посыпанной щебнем подъездной аллее. Справа росли кусты рододендронов, слева, за садом с декоративными каменными горками и лужайкой, виднелся оштукатуренный под камень фасад большого эдвардианского дома, с ложнотюдоровскими чертами, витражными окнами и высокими фронтонами. Высоко на стене была закреплена коробка тревожной сигнализации фирмы «ЛэнГард». В конце аллеи, позади особняка, напротив двух полуразвалившихся гаражей, располагался внутренний дворик. Сюзи заглушила мотор, и они вышли. Изгородь справа (из-за росших перед ней высоких деревьев соседний дом совсем не было видно) пребывала в запущенном состоянии, в отличие от террасных лужаек — в воздухе и сейчас еще стоял приятный запах свежескошенной

травы и подстриженных роз. Отсюда открывался чудесный вид: от долины, где по меловой насыпи пробежала железно-дорожная линия, соединяющая Брайтон с Лондоном, до домов в дальнем конце Уитдин-Роуд и Патчем и игровых площадок Варндинской школы.

Подойдя ближе, они увидели, что в ремонте нуждается и сам дом: стены требовали новой покраски, кое-где обвалилась штукатурка, вокруг оконных рам отшелушилась краска, — словом, все указывало на то, что в доме живет человек пожилой. На небольшом прямоугольнике лужайки, ограниченной штамбовыми розами, в купальне для птиц резвился дрозд.

— Грешно не ухаживать за таким красивым местом, — заметил Дэйв Робертс.

Сьюзи Холидей кивнула и огляделась, думая о том, как бы понравилось здесь ее собаке, и прикидывая, во сколько миллионов могло бы обойтись это владение, даже в его нынешнем состоянии.

По дорожке они направились к парадному входу, заглядывая в каждое из окон, мимо которых проходили, в поисках каких-либо признаков жизни. Миновав сад, в котором росли благоухающие розы (он тоже нуждался в заботе), они очутились у широкого, выложенного плиткой крыльца. Из почтового ящика торчали скрученные в рулон «Дейли телеграф» и «Аргус». Еще кое-какие газеты и несколько писем валялись прямо у двери. Не очень хороший знак.

Опустившись на колени, Сьюзи Холидей перебрала газеты, глядя на даты.

— Вчерашняя... за среду... сегодняшняя... — перечисляла она. Дэйв Робертс нажал кнопку звонка. Подождали. Никто не отозвался. Он постучал в дверь. Это был отточенный, усовершенствованный за годы службы стук, из тех, как он гордо хвастал, что разбудят и мертвого.

И снова ответом была тишина.

Дэйв сунул руку в почтовый ящик, и она утонула в куче корреспонденции. Он вытащил несколько бумажек. Письма и рекламные проспекты. Обнаруженный среди них желтовато-коричневый конверт, с напечатанной на нем аббревиатурой налоговой службы — HMRC, — адресованный миссис Эйлин Макуиртер, свидетельствовал о том, что они прибыли по верному адресу.

Прильнув к ящику, Дэйв Робертс потянул носом, пытаясь уловить безошибочный свинцовый, прогорклый запах смерти. В отличие от квартиры Ральфа Микса, где они были чуть ранее, ничего подобного обнаружить не удалось, но это не давало уверенности в том, что миссис Эйлин Макуиртер все еще жива. Даже в летние месяцы проходила по меньшей мере неделя, прежде чем тело начинало разлагаться.

Постучав в дверь еще раз, он набрал телефонный номер, который они получили от диспетчера. Где-то в доме зазвонил телефон, но ответа не последовало. Через несколько секунд включился автоответчик.

Они совершили полный обход дома, пристально вглядываясь в окна. В кухне работал телевизор. На столе — свежий выпуск журнала «Суссекская жизнь». Рядом с ним — тарелка, вилка и нож. На плите — кастрюля.

— Что думаешь? — спросила констебль Холидей.

Вместо ответа ее напарник натянул пару защитных перчаток, вытащил полицейскую дубинку и со всего размаху ударил по витражному окну рядом с входной дверью. Затем он осторожно, чтобы не пораниться об осколки стекла, просунул внутрь руку, нащупал щеколду и открыл дверь.

Они вошли в просторный, обитый дубовыми панелями холл, где лежало несколько красивых, но потертых персидских ковров. И почти тотчас же заметили темные прямоугольники на голых стенах — вероятно, когда-то там висели картины. Да и весь холл выглядел на удивление голым для столь большого дома.

Как и большинство комнат первого этажа, которые они обследовали.

Оставив напарницу продолжать осмотр, Дэйв Робертс поднялся по винтовой лестнице. Спустя несколько секунд он прокричал:

— Сюзи, скорее! Сюда!

Присутствие на суде требовалось не раньше следующей недели. И впереди его ждал свободный уик-энд, который он надеялся провести с Клио и Ноем. Захватив домой кучу бумаг, Рой Грейс рассчитывал хотя бы ненадолго освободить Клио от родительских обязанностей. И пока все шло нормально. Вот только завтрашний день, пятница... Пятница была его проклятым днем. Стоило лишь подумать о том, что дежурная неделя заканчивается и впереди свободные выходные, как в пятницу обязательно что-то случалось. Оставалось лишь надеяться, что хотя бы сейчас его оставят в покое — на уик-энд он строил грандиозные планы.

В субботу днем с одним из коллег, раздобывшим парочку билетов, Грейс собирался пойти на один из первых в сезоне футбольных матчей на потрясающем новом брайтонском стадионе «Амекс», где до сих пор ему удалось побывать всего лишь раз. Он от души надеялся, что этому походу ничего не помешает. Вечером же они с Клио рассчитывали сходить в какой-нибудь ресторанчик, впервые с рождения Ноя.

Была середина дня. Он сменил Ною памперс, и теперь тот спал в своей кроватке с белой соской-пустышкой во рту. Клио дремала на кровати. Хамфри с недовольным видом лежал в своей корзине (с резиновой костью под носом), все еще ревнуя к Ною, несмотря на то что утром хозяин выводил его

на пятимильную пробежку по брайтонской набережной.

Рой Грейс вытащил из большого конверта длинный бланк. Их дом в Хоуве вот уже несколько месяцев как был выставлен на продажу, и лишь сейчас агентство недвижимости нашло на него покупателя, женщину с маленьким ребенком, в настоящее время проживающую в Германии. Сам он с покупательницей не встречался, но похоже, намерения у нее были серьезные, и в агентстве уже назначили дату подписания контракта. Бланк представлял собой подробный опросник, освещавший все аспекты собственности, присланный нотариусом покупательницы.

Дом Клио, в котором они сейчас жили, тоже был выставлен на продажу. В их планы входило пустить вырученные за оба дома деньги на покупку недвижимости где-нибудь за городом, неподалеку от Брайтона, чтобы у Хамфри появился достойных размеров сад, а может, и поле, на котором он мог бы резвиться.

Единственным человеком, которого вся эта ситуация совсем не радовала, был его коллега и ближайший друг Гленн Брэнсон, живший в доме Грейса после развода. Бедняге Гленну придется подыскивать себе новое жилище; но, с другой стороны, ему уже пора двигаться дальше, обзавестись собственным домом и зажить настоящей жизнью.

Едва Рой попытался сосредоточиться на первом вопросе формуляра, как зазвонил городской телефон.

Он торопливо схватил трубку, чтобы звонок не разбудил

Ноя.

— Да? — тихо произнес он, отчаянно надеясь, что это не по работе.

— Добрый день. Я звоню вам по совету одного вашего доброго друга.

— Неужели? И кого же?

— Джерарда Скотта.

— Простите, не знаю никого с таким именем.

— Он просил передать вам свои наилучшие пожелания.

— Полагаю, вы ошиблись номером.

— Мы ежегодно экономим ему две с половиной тысячи фунтов на счетах за отопление.

— Да ну? — Грейсу не нравилась назойливость людей, занимающихся всеми этими телефонными продажами, хотя малую толику симпатии он к ним и испытывал — все-таки они хоть как-то, пусть и таким способом, пытались заработать на жизнь. — И как же?

— На следующей неделе в вашем районе будет работать наш представитель. Он мог бы зайти к вам в удобное для вас время.

— И что именно предлагает ваш представитель?

— Теплоизоляцию перекрытий.

— Теплоизоляцию перекрытий?

— Мы ведущие специалисты в этой области. Наша теплоизоляция столь эффективна, что окупается всего за девять лет за счет экономии на отоплении.

Учитывая предстоящий переезд, не говоря уж обо всем прочем, Клио явно не будет настроена тратить какие-либо деньги на этот дом. Ухмыльнувшись, он сказал в трубку:

— А вы знаете, что звоните на место преступления?

— На место преступления?

— Мне нужны ваше имя, адрес, место рождения и сведения о том, где и как вы познакомились с жертвой. Не желаете ли добровольно явиться в брайтонское отделение полиции для дачи показаний?

Вслед за воцарившейся на другом конце линии тишиной послышались короткие гудки — связь прервалась.

Есть! Улыбнувшись своему маленькому триумфу, Грейс посмотрел на спящего сына.

Спустя пару секунд зазвонил мобильный. Он ответил. Звонил новый дежурный детектив-инспектор из участка на Джон-стрит, заменивший недавно получившего продвижение по службе Джейсона Тингли. Любой звонок от него определенно не сулил ничего хорошего.

— Простите за беспокойство, сэр. У нас пренеприятное ограбление на Уитдин-Роуд. Жестоким истязаниям подверглась девяностовосьмилетняя женщина. Сейчас она в реанимации Суссекской королевской окружной больницы. Похоже на то, что из ее дома вынесли кое-какой антиквариат и картины.

Отойдя от Ноя в дальний конец комнаты, Рой спросил:

— Она выживет?

— Ну, сознание к ней возвращается лишь на крайне непродолжительное время, сэр.

— Что у нас есть? — спросил Грейс.

— Не очень много. Обошлись с ней крайне жестоко. Я сам выезжал на место, и по моим ощущениям, это преступление из разряда тех, которыми следует заниматься отделу тяжких преступлений. Все указывает на то, что похищено ценностей на весьма значительную сумму. Что касается жертвы, то боюсь, она не выживет.

Подонки, измывавшиеся над людьми преклонного возраста, вызывали у Роя Грейса особые чувства.

— Хорошо, — сказал он, пытаясь не выдать отсутствия какого-либо желания втягиваться в новое расследование. — Давайте подробности.

Он наспех записал основные пункты в блокнот. Потом, закончив с инспектором, позвонил детективу-сержанту Гленну Брэнсону, которого назначал исполняющим обязанности детектива-инспектора в последнем их совместном деле, когда пару месяцев назад один ненормальный объявил охоту на поп-звезду, приезжавшую в Брайтон для съемок в историческом фильме.

— Занят чем-то важным, Гленн? — поинтересовался Грейс.

— Что может быть важнее подготовки документов по разводу с моей стервозной супружницей?

— Отлично. Встречаемся через полчаса на Уитдин-Роуд,

дом сто сорок шесть.

— Милый адресок.

— Вот и води себя там подобающе.

Он снова сидел в подержанном, одолженном на время «Ягуаре S-Туре» напротив ворот той линейки таунхаусов, в одном из которых Рой Грейс жил теперь со своей возлюбленной Клио Мори и двухмесячным младенцем Ноем. Ноем Джеком Грейсом.

Окна «ягуара» были затонированы, что само по себе уже являлось нарушением закона. Видеть его никто не мог. Никто не мог видеть той маски ненависти, что ни на секунду не сходила с его лица.

Ной Джек.

Все подробности он получил в службе регистрации актов гражданского состояния брайтонской ратуши.

Ной Джек Грейс.

Оставь его в покое, твердили друзья. Двигайся дальше.

Ни за что. Нельзя так просто взять и забыть человека, который напрочь похерил всю твою жизнь. Действовать надо осторожно, решать проблемы по мере их поступления, одну за другой, шаг за шагом. И это первый шаг. Долг платежом красен. Накануне вечером, вооружившись прибором ночного видения, он заметил, как один из жильцов набирает код на цифровой панели рядом с воротами. Позднее он вошел сам, убедился, что там нет ни охраны, ни камер системы видеонаблюдения, и постоял в темноте у «дома Грейса», как

ему нравилось его называть. Через створки ставней он видел, как детектив-суперинтендент Грейс и его шлюха Клио лежат, свернувшись калачиком, напротив телевизора, поглядывая то и дело на монитор тelenяни.

Какая трогательная сцена.

А как, должно быть, приятно будет Клио Мори, старшему специалисту по анатомической патологии в морге Брайтона и Хоува, присутствовать при обнаружении в груди мусора младенца, задохнувшегося от затянутого на его голове пластикового пакета. А потом увидеть, что это ее собственный сын.

А уж как это будет символично!

Сынок мусорка в куче мусора.

Как же ему нравилась эта картина! Но не меньше нравилась и другая: вернувшийся домой Рой Грейс вдруг обнаруживает, что лицо его прекрасной шлюшки навек изуродовано. Немного кислоты научит ее не трахаться больше с копами.

Опции. Ему нравилось иметь возможность выбора. В тюрьме их было немного, но теперь, на свободе, он имел перед собой все опции в мире.

О да.

Он раздавил сигарету в пепельнице.

А вот и ворота открываются. Кто-то выходит. В костюме и туфлях. Детектив-суперинтендент Рой Грейс. Выглядит немного уставшим.

Он наблюдал за тем, как Грейс идет по дорожке к оставленной на некотором отдалении, на дорожном кармане для парковки автомобилей местных жителей, черной «альфа-ромео-джульетте».

Увидел, как зажглись стоп-сигналы и машина умчалась прочь.

Какое же это удовольствие — увидеть страдания детектива-суперинтендента Роя Грейса.

О да. Радость возмездия. Блюдо, которое следует подавать холодным.

Холодный младенец.

Эта мысль привела его в полный восторг.

В аренду сдавался участок номер четыре. «Дом Грейса» располагался рядом. Смежное владение. Остается уладить кое-какие формальности, и через неделю или около того он станет их соседом.

И в кои-то веки получит козырь против Роя Грейса, а не наоборот.

Вот радость-то!

Нью-Йорк, 1922 год

На ледяном ветру, под дождем со снегом маленький мальчик стоял, вместе с сестрой и сурового вида теткой, среди огромной толпы, наводнившей 54-й причал. В длинном пальто, шерстяных перчатках и твидовой кепке, он выглядел несчастным. То немногое, что было у него в этом мире, поместилось в небольшой кожаный чемоданчик, стоявший на земле рядом с ним. Мальчик ощущал себя карликом в этом людском море.

Пяти лет от роду, растерянный, сбитый с толку и ужасно злой на тетю. Она увозила его и сестру от мамы и папы. Мама была на кладбище; он понимал, что домой она уже никогда не вернется, что она ушла навсегда и теперь в другом месте. В раю.

Но папа мог возвратиться домой в любую минуту. Он хотел подождать, но тетя не разрешила. Отец больше никогда не вернется, сказала она. Сестра ей поверила, но только не он. Этот великан с серебряным кроликом на висевшей на шее цепочке, который поднимал его на плечи, играл с ним в мяч, брал с собой на верховые прогулки на Кони-Айленд, плавал вместе с ним в море, щекотал своей щетиной, пах пивом и табаком, рассказывал истории о Человеке-на-Луне и украдкой водил в зоопарк, когда обещал его матери сводить

в церковь... он обязательно вернется домой.

Обязательно вернется. Мальчик знал это наверняка.

— Я не хочу уезжать, — раздраженно бросил он. — Хочу домой, ждать папу. Ненавижу тебя! — Он топнул ногой.

— В Ирландии тебе понравится, — сказала она. — Там намного лучше. Безопаснее. И гораздо спокойнее.

— Может, папа будет там.

Уна Дейли промолчала.

— Может? Как думаешь? — спросил он с надеждой.

Она опять промолчала.

В воздухе стоял острый запах соли, приправленный едким ароматом сжигаемого угля и сигаретным дымком. Кругом скрежетали машины, кричали люди, пищали чайки. На скрипучих тросах качались деревянные ящики, высоко над головой бряцали и лязгали шкивы. Темный корпус корабля возвышался над ним, словно гора. Мальчик огляделся. Отец работал в порту; может, он будет здесь и сегодня? Он вглядывался в лица, во все до единого.

Он чувствовал, что не должен уезжать. Что должен найти папу. Но вскоре они уплывут за тысячи миль отсюда. Далеко от отца. Он не понимал почему.

Мальчик разглядывал высоких людей. Подъемные краны, и деррики, и массивный корпус судна «Мавритания» с его четырьмя дымовыми трубами и сходнями. Рядом с ним, зацепившись за кабестан, простонал канат. Он взглянул на темно-зеленую гладь Гудзона между кораблем и набереж-

ной, слышал плеск воды. Она была маслянистой, с пенными пузырьками и колыхающимся мусором. Вскоре объявят посадку, и корабль увезет их в место под названием Дублин, что в Ирландии. Мать в раю, а отец исчез, его забрали плохие люди. Отца тоже убили, сказала тетя, но он ей не поверил.

Теперь тетя Уна, которую он едва знал и не любил, увозила их к новой, по ее словам, жизни. В место, где они будут в безопасности. На ферму в деревне, где много кур, коров, свиней и овец.

Ему не нужны были ни куры, ни свиньи, ни овцы. Ему был нужен папа.

Он не хотел уезжать. Он плакал, и каждые несколько минут тетушка промокала ему глаза носовым платком. Его сестра, которая была на три года старше, крепко прижимала к себе маленького плюшевого медвежонка, мистера Стаффикинса, и все время молчала. Все трое ждали, наблюдая за тем, как поднимается по трапу бесконечная людская процессия; некоторые из уплывавших были людьми преклонного возраста, но большинство составляла молодежь, многие — с маленькими детьми и младенцами. Они несли чемоданы, деревянные и картонные ящики, иногда — собак и кошек в корзинах. Время от времени кто-нибудь затаскивал на борт какой-нибудь предмет мебели. Вот мужчина прошел мимо, пошатываясь под тяжестью старинных напольных часов.

Никто из них не обратил внимания на парня в низко натянутой на глаза кепке, локтями пробивавшегося к ним через

толпу. Заметили они его только тогда, когда он выкрикнул его имя.

Мальчик обернулся:

— Да?

Паренек сунул ему в руку увесистый сверток, обернутый коричневой бумагой.

— Мне велели передать тебе это, — пояснил он. — Для тебя и для твоей сестры. И сказать вот это: «Запомни числа!»

— Извините! — вмешалась тетя.

Но паренек уже пробирался назад, быстро, украдкой.

— Извините! — крикнула она еще громче. — Молодой человек, кто вас послал?

— Друг! — ответил он и через пару секунд растворился в толпе.

— Тетя Уна, кто был этот парень? — спросила его сестра, одетая в слишком большую для нее спортивную куртку и шапку с помпоном.

— Дай-ка взгляну, что там, — сказала тетя, выхватывая из рук мальчика сверток. Развернув упаковочную бумагу, она нахмурилась: внутри находились небольшой черный револьвер, разбитые карманные часы и сложенная газетная страница.

Она осторожно развернула листок. Это была первая страница из старого номера «Дейли ньюс». Большая часть полосы посвящалась убийству жены Брендана Дейли и похищению и исчезновению самого Брендана Дейли, главного пре-

тендента на роль босса банды «Белая рука», — родителям мальчика.

Статья сопровождалась фотографией Дейли. Крупный, статный, свирепого вида мужчина с копной зачесанных назад блестящих черных волос, в костюме-тройке с выглядывающей из кармана цепочкой для часов, помятой белой рубашке и простом одноцветном галстуке под теплым пальто.

С краю синими чернилами были нацарапаны четыре имени и двенадцать цифр.

— Что там написано? — спросила сестра.

Тетя протянула ей газету. Мальчик тоже заглянул в листок. Прочитать, что говорилось в газете, он не смог, да и имена разобрал не сразу, но вот с цифрами справился.

— 9 5 3 7 0 4 0 4 2 4 0 4, — медленно прочел он. — Что это значит?

— Это ты мне скажи! — воскликнула тетя, передавая ему газетную вырезку. — Тебе ведь дали — ты и скажи!

Это было что-то важное, он знал. Должно было быть таковым. Но вот что именно, он и понятия не имел.

— А это имена тех плохих людей, что забрали папу? — спросила сестра.

Тетя ничего не ответила.

Мальчик свернул листок и бережно опустил во внутренний карман. Потом посмотрел на револьвер, который тетушка вытащила из свертка и теперь нервно держала в руке, словно опасалась, что он укусит ее или ужалит.

— Нужно от него избавиться, — сказала она. — Не надо нам иметь его при себе.

Тетя Уна повернулась и начала пробираться сквозь толпу к краю причала. Она уже готова была бросить револьвер в воду, когда мальчик схватил ее за руку.

— Нет! — сказал он. — Это может быть папин! Может, он захочет получить его назад. Может, он придет за ним! — Он разрыдался.

Она посмотрела на него сверху вниз, и черты ее смягчились.

— Хорошо, мы возьмем его с собой. На тот случай, если твой папа ждет нас там, куда мы направляемся.

Он кивнул и утер слезы тыльной стороной правой руки.

Поместив револьвер в сумочку, тетушка вытащила часы. Это был золотой мужской карманный хронометр, на цепочке, с фазами лунного цикла на циферблате. Стекло треснуло, головка чуть согнута. Стрелки остановились на пяти минутах пятого. Мальчик выхватил часы у нее из рук и уставился на них.

— Это папины, — сказал он. — Папины.

Раздался громкий протяжный сигнал корабельной сирены — один-единственный. Этими звуками — гудком сирены, пятью выстрелами в ночи и криками матери — Нью-Йорк и запомнился мальчику навсегда.

Они запечатлелись в его памяти вместе с часами.

2012 год

В тихой и теплой палате реанимационного отделения Суссекской королевской окружной больницы пожилой мужчина, утомленный перелетом с юга Франции, сидел рядом с находившейся без сознания женщиной, держа ее за слабую жилистую в темно-каштановых пятнышках руку. Где-то рядом послышалось шуршание задерживаемой занавески.

— Эйлин, я здесь, ты меня слышишь?

Он ощутил слабоежатие. Ее седые волосы, обычно элегантно уложенные, выглядели нечесаными и спутанными. Лицо под бинтами — отекшее, раздувшееся, с черными и желтыми пятнами, шея — в ожогах, оставленных, как ему сказали, горячей сигаретой. Непострадавшие участки кожи приобрели алебастровый оттенок трупa.

В нем вскипел гнев. Он думал о том долгом пути, который они вместе прошли за свою жизнь. И ради чего — чтобы закончить так? Он был не из тех, кто часто плачет, но в этот момент на глазах выступили слезы.

У нее был двойной, со смещением костей, перелом черепа, повреждение цервикальной области спинного мозга, из-за чего ей, при удачном исходе, грозил паралич, и, что на данной стадии было почти несущественно, переломы правой ключицы и таза.

Эйлин весь день пребывала в стабильно бессознательном состоянии, и, несмотря на то что он все еще цеплялся за отчаянную, все более и более иррациональную надежду, в нем уже начинало зарождаться ощущение ужасной неизбежности.

Каждые несколько секунд сигнализатор монитора издавал неизменное «бип-бип-бон». Старик вдыхал запахи обеззараживающих химических веществ, к которым периодически примешивался аромат одеколона, и слабый фоновый запах электрооборудования.

Она лежала на кровати, вся в бинтах и проводах, изо рта и ноздрей торчали эндотрахеальные и назогастральные трубки. Внутричерепное давление измерялось специальным датчиком, еще один был присоединен к пальцу, целый лес внутривенных шнуров и трубок вел от капельниц к морщинистым рукам и животу. Справа от нее возвышались два дисплея, на тележке, стоявшей у изножья кровати, лежал лэптоп с записями и показаниями приборов.

— Эйлин, я здесь, с тобой. Это Гэвин. Я здесь.

Старик увидел, как зашевелились губы, хотя и не смог услышать ее голоса. Он наклонился, приник к ее устам, но по-прежнему не слышал ни звука. Снова посмотрел на нее.

— Что они взяли? — прошептала она.

— Не знаю, — сказал он. — Пока что не знаю, но это и не важно. Главное, чтобы с тобой было все хорошо.

Она заговорила снова:

— Они взяли часы? Это все, что у нас оставалось в память о нем. Вспомни, что сказал тебе тот парень. «Запомни цифры».

Мысленно он перенесся на девяносто лет назад. На набережную острова Эллис, где они дожидались посадки на «Мавританию». Паренек в кепке с увесистым свертком, обернутым грубой бумагой. И он тоже вспомнил эти слова.

— Как думаешь, Эйлин, что бы это могло значить?

Она уже не ответила.

Старенький синий «мерседес» с тонированными задними окнами спускался, петляя, по испещренной рытвинами подъездной дорожке. Громко играла музыка. «Ода радости» в исполнении филармонического оркестра. Выбор босса. Босс любил всякую культурную муть вроде этой. Что-нибудь хоральное, возвышенное. Музыку, которая звучит так, словно тебя призывают боги. Такое вот дерьмо.

Внизу, за пышным кустарником, садом с декоративными каменными горками и крытой лужайкой, стоял большой эдвардианский дом. Дорожка змеилась к задней его стороне. На просторной площадке между ветхими гаражами собрались целый парк автомобилей. Две полицейские машины с мигалками, еще две без таковых, белый фургончик с гербом суссекской полиции и надписью «Служба криминалистической экспертизы» на боковых дверцах. Синяя с белым оградительная лента была натянута поперек узкого прохода к дому, напротив которого стояла облаченная в форму женщина-полицейский с журналом осмотра места преступления.

Водитель вышел из машины; стоявший на пороге своего семидесятилетия, он был очень худым и сутулым, из-под шоферской кепки, двумя размерами больше нужной, выбивались нечесанные седые космы.

— Извините за ухабы, сэр, — просипел он, открывая зад-

ную дверь.

Гэвин Дейли отложил в сторону sudoku, разгадыванием которого был занят, и выбрался наружу, опираясь на черную, с резиновым наконечником палку. Серебряный набалдашник представлял собой голову ястреба с пронизывающим взглядом. Проигнорировав протянутую водителем руку, Дейли резко распрямился.

Загорелый, с безукоризненно отполированными зубами и солдатской выправкой, он выглядел лет на двадцать моложе, чем значилось в паспорте. Крючковатый плоский нос придавал ему вид, как и набалдашник трости, хищной птицы; седая грива волос спускалась до плеч, а голубовато-синие глаза, которые обычно были наполнены теплотой и обаянием, сегодня пылали яростью за очками в роговой оправе. Одетый в бежевый льняной костюм, синюю рубашку апаш с броским галстуком и коричневые мокасины с кисточками от Феррагамо, в руке он держал незажженную, наполовину выкуренную «Коибу». Лишь темно-каштановые пятнышки на лице и руках, морщинистая шея и медленная походка наводили на мысль о его истинном возрасте.

Стараясь ничем не выказывать гнева, он подошел к женщине-полицейскому и заговорил спокойно, но твердо.

— Меня зовут Гэвин Дейли, — сказал он. — Это дом моей сестры. Детектив-суперинтендент Грейс ждет меня.

Глубокий, поставленный голос нес в себе лишь слабое эхо его ирландских предков. Когда появлялась необходимость,

в Дейли пробуждался настоящий дар красноречия. Он мог продать снег эскимосам, песок бедуинам и купальные костюмы рыбам. Первое свое состояние он сколотил на продаже старых автомобилей, а второе, гораздо более крупное, — на дорогом антиквариате, специализируясь на наручных и напольных часах.

Женщина-полицейский заглянула в журнал и сказала что-то в рацию.

Через несколько секунд к ним подошел высокий темнокожий мужчина в белом защитном комбинезоне и сапогах.

— Мистер Дейли, я детектив-инспектор Брэнсон, заместитель старшего следователя по этому делу. Спасибо, что приехали, — жаль только, что при таких обстоятельствах.

— Знали бы вы, как мне жаль, — сказал Дейли с кривой улыбкой.

— Конечно, сэр. Я понимаю.

— Неужели? И что же вы понимаете? Знаете, каково это — видеть свою девяностовосьмилетнюю сестру в реанимации и слушать про все эти мерзости, которые с ней вытворяли?

— Мы сделаем все возможное, чтобы поймать этих подонков, сэр.

Дейли окинул его еще одним взглядом, но не ответил. Он намеревался поручить сыну поиск мерзавцев. И если его вспыльчивый сынок отыщет их первым, на что он очень надеялся, полиция их уже не найдет. Никогда.

Подошедший к ним коренастый мужчина в маске и капюшоне протянул Гэвину Дейли защитный комбинезон и сапоги.

— Я — Дэвид Грин, эксперт-криминалист, ответственный за место преступления, сэр. Не будете ли так любезны надеть все это на себя?

Гленн Брэнсон помог старику облачиться в защитный костюм, а затем спросил:

— Насколько я понимаю, вы только сегодня прилетели из Франции и уже виделись с сестрой?

— Да.

— Как она?

— Плохо, — лаконично ответил Дейли. — А чего вы ожидали? Что она будет скакать по кровати, танцуя джигу?

Брэнсон был рад, что на месте преступления присутствует Рой Грейс. Поладить со стариком оказалось делом непростым — как, впрочем, его и предупреждали. Дэвид Грин вручил Дейли пару перчаток, и они втроем направились к дому. Когда они переступили порог и прошли по металлическим подножкам в холл, Дейли увидел двух криминалистов, мужчину и женщину. Оба были в белых защитных комбинезонах; женщина, опустившись на колени, снимала отпечатки пальцев, мужчина делал фотографии.

Он обвел взглядом темные прямоугольники на стенах. Последний раз он был здесь две недели назад. Тогда здесь было полно картин и изящных вещей. Теперь же все выгля-

дело так, словно вещи из помещения вынесли грузчики, помогающие с переездом.

— Ваша сестра проживала здесь одна, мистер Дейли?

— Ей помогала приходящая домработница, но сейчас эта женщина в отпуске. Да, и раз в неделю здесь бывает садовник.

— Как по-вашему, эти люди заслуживают доверия?

— Домработнице лет семьдесят пять; она с моей сестрой уже более тридцати лет, а садовник — по меньшей мере лет десять. Так что — да, несомненно.

— Нам нужно будет поговорить с ними, чтобы вычеркнуть их из списка подозреваемых, — если можете оставить их координаты, мы были бы очень признательны.

Дейли кивнул.

— И вот еще что важно: не могли бы вы, по возможности, указать, что именно было украдено? Насколько я понимаю, вы хорошо знаете этот дом, сэр? — осведомился Гленн Брэнсон.

— Все, что сестра приобретала, она приобретала под моим чутким руководством, — сказал Дейли. — Она и ее покойный муж. Не вижу, чтобы в холле осталось что-то значимое. Кто бы это ни сделал, они отлично знали, что брать. Я могу составить подробный список того, что здесь было. Тут где-то должен быть альбом с фотографиями всего самого ценного.

— Это очень бы помогло.

Дейли какое-то время молчал, а потом сказал:

— Помогло чему?

— Расследованию, сэр.

Дейли наградил его скептическим взглядом.

— Вы действительно так полагаете?

— Идентифицировав как можно больше из того, что отсюда пропало, вы бы оказали нам неоценимую помощь.

— Судя по тому, что я увидел только в этой комнате, гораздо легче будет идентифицировать то, что осталось.

Брэнсон посмотрел на него с тревогой.

— Похоже, работали профессионалы.

Дейли не ответил. Он прошел в гостиную. Над каминной полкой раньше находилось одно из наиболее ценных сестринских полотен, пейзаж Ландсира, тянувший на добрых полмиллиона фунтов. Он долго пытался убедить ее перевесить картину, опасаясь, что она может пострадать от огня или копоти. Теперь же ущерб от огня — наименьшая из проблем сестры, подумал он, глядя на темный прямоугольник. На противоположной стене висели позолоченные, ручной работы, с ангренажем в восемнадцать колес, уайтхерстовские часы 1791 года выпуска. Они имели открытый механизм и показывали время в любой точке планеты. С аукциона такие ушли бы сейчас не менее чем за триста тысяч фунтов.

Он пробежался глазами по остальным темным прямоугольникам на стенах. По пустотам на прилавках-витринах

и бюро орехового дерева. Все ценное пропало. Почти все. Но было кое-что такое, насчет чего он беспокоился больше всего прочего. Он прошел в кабинет сестры и уставился на стену. Опасения оправдались: дверца сейфа была открыта. Он заглянул внутрь, но дверца второго, потайного, отделения также была открыта.

Сердце оборвалось, но внутри уже закипал гнев.

— Мерзавцы, — произнес он спокойно. Потом покачал головой и вновь, для пущей уверенности, заглянул в сейф. — Мерзавцы.

Сопровождаемый детективом, старик вновь вышел в холл. На викторианском столике валялась кучка писем, одно из которых заинтересовало его особенно. Игнорируя предупреждение Брэнсона ничего не трогать без перчаток, он принялся рыться в корреспонденции и в середине стопки обнаружил одинокий лист формата А4 с бланком письма, наверху которого значилось: «Р.К. Мур». Чуть ниже адрес в брайтонском Кемптауне. А далее текст следующего содержания:

Дорогие сэр или мадам.

За те многие годы, что я бываю в этом районе, я никогда не переставал получать удовлетворение от той радости, что отображается на лицах людей, когда они выручают деньги за ненужные, зачастую уже позабытые вещи. Деньги, которые вы можете использовать для вашего блага, за вещи, которые я, в свою очередь, могу продать.

Меня всегда интересует покупка следующих вещей:

— *старых чемоданов из обычной и крокодиловой кожи;*

— *детских книг;*

— *старых ювелирных изделий;*

— *лома серебра и золота.*

— Похоже на листовку «молоточника», — заметил Гленн Брэн-сон, помещая листок в пластиковый пакетик для последующего снятия отпечатков пальцев.

Брайтонские «молоточники» были своего рода наследниками послевоенных старьевщиков и на протяжении десятилетий оставались настоящим бичом для людей преклонного возраста, проникая за счет подобных рекламных листов в жилища и либо обирая их обитателей, либо наводя затем на наиболее богатые дома профессиональных грабителей.

Дейли кивнул. Он знал. Сам когда-то, давным-давно, был таким. Зазвонил мобильный. Извинившись, старик посмотрел на экран. Никакого имени не высветилось.

— Гэвин Дейли, — ответил он.

— Это сиделка Уилсон, мистер Дейли. Вашей сестре стало хуже. Думаю, вам следует приехать, и как можно скорее.

Рой Грейс, облаченный в защитный костюм, как и все остальные в доме Эйлин Макуиртер, стоял, зажав в руке телефон в ее кабинете на первом этаже, в задней части дома, рядом с картой имения. Его первостепенной задачей было собрать следственную группу и дать поручение каждому ее члену, но он позволил себе небольшую паузу, чтобы послать эсэмэску Клио — предупредить, что домой вернется очень поздно.

Единственная информация, полученная от Эйлин Макуиртер, сводилась к тому, что двое напавших на нее мужчин были в коричневой форме и представились работниками компании «Уотерборд». Сейчас нужно было обнести прилегающую к особняку территорию оградительной лентой и произвести подомовой обход соседей на случай, если кому-то из них тоже нанесли подобный визит. Заниматься этим следовало осторожно, чтобы не напугать людей, а заодно и дать населению необходимые в таких случаях рекомендации. Кроме того, следовало выяснить, есть ли в этом районе камеры наблюдения, которые могли бы зафиксировать что-либо подозрительное. К несчастью, Уитдин-Роуд и прилегающие к ней улицы не входили в зону покрытия камер слежения городской полиции, хотя многие дома были оборудованы собственными. Также требовалось выяснить, происходи-

ли ли похожие ограбления в городе или в стране когда-либо раньше. Надлежало позаботиться и о размещении на обеих сторонах улицы полицейских билбордов с просьбой к местным жителям сообщить о появлении в данном районе незнакомых машин — как незадолго до нападения, так и в вечер вторника. На полицейском жаргоне такое мероприятие называлось проверкой «юбилейных визитов».

Грейс по собственному опыту знал, что когда преступники присматриваются к дому, они зачастую делают это ровно за неделю до ограбления, отслеживая перемещения жильцов в нужный им день.

Что-то было не так с этим опустошительным нападением на старушку, но что именно, суперинтендент понять не мог. Подобные жестокие ограбления, к сожалению, имели длинную историю. Но чутье подсказывало, что в данном случае за этим стоит нечто большее.

Первым, что обратило на себя внимание, были книжные полки. Потом его отвлекло какое-то движение снаружи. Через витражное окно Грейс увидел плещущегося в декоративном фонтане воробушка, даже не подозревающего о произошедшей здесь ужасной трагедии.

Грейс никогда особенно не интересовался поэзией, но тут ему почему-то вспомнился один стишок из школьной программы, видимо, потому, что он учил его наизусть и рассказывал на уроках литературы. Это был Уистен Хью Оден, и первые две строчки вдруг показались Рою весьма уместны-

ми.

Счастлив зайчонок с утра, потому что неведомы ему
Охотника бессонные мысли...

С моющего воробушка взгляд его переместился дальше, на лужайку и в дальний конец долины, примерно в миле от дома. В это время года западную часть города скрывала зелень, но он и так мог представить себе большой прямоугольник Варндинской школы, в которой учился перед тем, как поступить в полицейский колледж.

На орехового дерева бюро жертвы он обнаружил большой кожаный ежедневник, несколько взятых в рамки фотографий детей и взрослых (все снимки были такими старыми, что уже обесцветились), старомодную адресную книгу в красной кожаной обложке, ручку «Паркер», лежащую на блоке записных листков, голубую почтовую бумагу с пропечатанными на ней именем и фамилией пострадавшей, незаполненную открытку и чистый конверт, которые, судя по всему, она намеревалась кому-то послать. Возможно, ключ к разгадке следует искать в ежедневнике, подумал детектив, листая страницы. Но даже беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что все листы чистые, за исключением одной записи о встрече — назначенной через три дня, — сделанной косым тонким почерком авторучкой: «Доктор Пэриш. 11.30».

Над бюро, в обрамлении темного прямоугольника, в том месте, где раньше, по всей видимости, висела картина, находился сейф с кодовым замком; дверца его была открыта. Грейс заглянул внутрь, но сейф был пуст. В задней его части обнаружилось нечто вроде боковой панели и еще одна дверца, судя по всему в потайную часть сейфа, — та тоже была открыта.

Он вновь обратил внимание на книжные полки и пробежал глазами по некоторым из названий. «Первые сто лет американской мафии», «Молодой Капоне», «Ранние уличные банды и гангстеры города Нью-Йорка», «Ирландская организованная преступность». «Король бруклинского порта».

И таких — полка за полкой.

Почему?

Такая подборка говорила о некоей одержимости.

Почему эта дама собирала книги по ранней гангстерской истории Нью-Йорка?

Эйлин Макуиртер. Ирландское имя. Уж не имела ли сестра Гэвина Дейли каких-то исторических связей с американской организованной преступностью? Или они оба?

Из того немногого, что он выяснил об Эйлин Макуиртер с тех пор, как был сюда вызван, вытекало следующее: она была замужем за биржевым брокером, но вот уже пятнадцать лет как овдовела. Ее дети тоже умерли, но оставались внучка и ее муж, Никки и Мэтт Спирс, и двое их детей, Джейми и Изобел, правнуки Эйлин Макуиртер. Полиция пыталась

сейчас связаться с ними. Правонарушений за ней не числилось, за исключением разве что случившегося три года назад нарушения ПДД, когда она без видимой причины врезалась в столбик ограждения, вследствие чего лишилась прав.

Возможно, она когда-то защищала диссертацию по этой теме? Или писала книгу? Или пыталась выяснить что-либо из истории своей семьи?

Зазвонил мобильный.

— Рой Грейс.

Докладывал Гленн Брэнсон, находившийся где-то в доме:

— Босс, здесь только что был Гэвин Дейли. Я уже собирался провести его к тебе, но старика срочно вызвали в больницу.

— Как состояние миссис Макуиртер?

— Там сейчас наш человек, дежурит у палаты. Я с ним на связи. По его словам, все обстоит не очень хорошо.

— Как обычно, — мрачно заметил Грейс.

— Есть кое-что в холле, что я хотел бы тебе показать.

— Сейчас буду.

Брэнсон стоял на подножке, положенной поверх потертого персидского ковра, рядом с небольшим столиком, постукивая по рекламному листку формата А4, уже помещенному в пластиковый пакет; отпечатанный вычурным шрифтом текст, по-видимому, должен был придать «документу» солидности, но, на взгляд Грейса, характеризовал отправителя лишь как очередного афериста.

Р.К. Мур.

Рой Грейс мельком взглянул на текст.

Дорогие сэры или мадам.

За те многие годы, что я бываю в этом районе, я никогда не переставал получать удовлетворение от той радости, что отображается на лицах людей, когда они выручают деньги за ненужные, зачастую уже позабытые вещи...

Потом он посмотрел на коллегу.

— Черт, я думал, что «молоточники» остались в далеком прошлом. Что все сейчас смотрят «Выездную презентацию антикварных изделий», «Деньги на чердаке» и прочие подобные программы и что никто уже не клюет на удочку этих воришек. — Он, не без досады, вспомнил, что и его бабушку обвел вокруг пальца, лишив всех ее немногих фамильных ценностей, один из таких «дельцов», когда сам он был еще подростком.

— Очевидно, не все, босс. Думаю, в каком пруду ни поройся, везде найдется что-нибудь копошащееся в тине.

Грейс мрачно улыбнулся.

— Нужно допросить этого Р.К. Мура, и как можно быстрее. — Он посмотрел под ноги, на ковер. — Странно, такой прекрасный дом, полный, судя по всему, чудесных вещей, и тут вдруг этот невзрачный ковер!

Брэнсон одарил его печальным взглядом.

— Ну ты и невежда!

— Спасибо. Вообще-то я полагал, что всегда распознаю красоту, когда ее увижу.

— Да ну? А знаешь, сколько стоит этот ковер?

— Ну, фунтов пять на распродаже я, может, за него и дал бы.

— Тогда бы ты провернул удачную сделку. Как по мне, так он выглядит персидским и стоит несколько тысяч. Отец Эри торговал такими, он-то меня и просветил насчет них. Знаешь, они специально делают в этих коврах дырки.

— Зачем?

Гленн Брэнсон ухмыльнулся.

— Затем, что в глазах производителей этих ковров совершенным может быть лишь Господь Бог.

Грейс улыбнулся.

— Надо будет запомнить. — Вынув из кармана телефон, он пару раз щелкнул рекламную листовку крупным планом.

Пока он проверял, четким ли вышел текст на фото, позвонил телефон Гленна Брэнсона. После короткого обмена фразами Брэнсон закончил разговор и посмотрел на Грейса большими, вдруг заметно погрузневшими глазами.

— Наш человек в больнице, босс.

— И?..

— Похоже, теперь мы расследуем уже убийство.

Нью-Йорк, 1922 год

Тетя мальчика уговаривала его зайти внутрь, в тепло, но он отказался. Солоноватый ветер трепал его волосы, в горле стоял комок, по щекам бежали слезы, но, крепко вцепившись в поручни почтового парохода «Мавритания», он словно и не замечал холода. Пока они проплывали под мостом Верразано-Нэрроуз, мальчик ни на миг не выпустил из виду исчезающую вдаль статую Свободы.

Теперь она была совсем крошечная — едва различимое пятнышко. Ее поглотили туман и облака, неумолимо надвигающиеся на нее в спускающихся сумерках. Он не сводил глаз со статуи до тех пор, пока она совсем не растворилась во мраке, и тогда на душе у него стало еще тоскливее. Как будто нить, связывавшая его с отцом, разорвалась окончательно и бесповоротно.

Палуба скрипнула под ногами. Помимо того что сильно пахло краской и лаком, через каждые несколько секунд из дымохода вырывалась новая порция дыма. Тетя вновь позвала его и потянула за рукав. Не обращая на нее внимания, он уставился на тянущуюся вслед за кораблем, сотней футов ниже, кильватерную струю. С каждой секундой расстояние между кормой «Мавритании» и Нью-Йорком увеличивалось. С каждой секундой шансы на то, чтобы найти отца,

становились все более призрачными. Тайна его исчезновения была окутана пеленой куда более мрачной, чем та, что накрывала сейчас статую Свободы.

Из внутреннего кармана он вынул скомканный обрывок газеты, врученный ему несколькими часами ранее на пирсе. Бумага затрепетала на ветру, и, боясь потерять ее, он вцепился в листок мертвой хваткой. Посмотрел на фотографию отца, потом на неуклюже нацарапанные имена и цифры. 9 5 3 7 0 4 0 4 2 4 0 4. И снова посмотрел на уходящий вдаль Нью-Йорк.

Его отец был где-то там, в городе. Там, где очутился не по своей воле. Там, куда его увезли эти плохие люди. Цифры были важны, он знал это наверняка. Должны быть важны.

Но что именно они означали?

Тетя дернула его за руку еще резче, и, аккуратно опустив листок во внутренний карман, он посмотрел на серый горизонт, повторяя про себя слова клятвы: «Когда-нибудь, па, я вернусь и найду тебя. Спасу тебя, где бы ты ни был».

Словно в знак одобрения, трижды пронзительно прогудел пароход.

2012 год

Рики Мур был пятидесятитрехлетним мужчиной с лысеющей макушкой и длинными седыми волосами, прикрывающими уши и верх воротника. Он был одет в потертую белую рубашку апаш с расстегнутыми верхними пуговицами для демонстрации золотого медальона и дешевую бежевую куртку; пальцы рук унизывали толстые кольца. С кровавыми прожилками на землистого цвета лице он походил скорее на стареющего, подсевшего на наркоту рокера, чем на торговца антиквариатом, но за счет врожденного обаяния умел проникнуть в дом любой пожилой леди, какой бы благоразумной та ни была.

Найти его оказалось нетрудно. Он пил тут трижды в неделю, вечером.

Бар «Под петухом» в Уивелсфилде был, на взгляд Мура, правильным пабом. Украшенный бирдекелями со всего света, он предоставлял клиентам бильярдные столы, мишень для игры в дартс, доску для игры в «Толкни монетку», доброжелательного хозяина и персонал, в особенности лакомую барменшу, пробуждавшую в нем нескромные желания. Оригинальное название, не набившая оскомину музыка, отсутствие пищущих электронных игровых аппаратов, коими наводнены в наши дни столь многие заведения, плюс отменно-

го вкуса пиво — что еще человеку надо?

Но пил он здесь отнюдь не по этим причинам. Расположенный в сельской местности, в четырнадцати милях к северу от Брайтона, где и проживал Рики Мур, паб был не самым подходящим местечком (особенно с учетом ужесточившихся в последнее время мер для лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения) для приятного времяпрепровождения, так что каждый визит сюда всегда предполагал определенный риск. Но, как и в любом бизнесе, недостатки уравнивались достоинствами.

Будучи одним из немногих сохранившихся «молоточников», Рики Мур жил достаточно комфортно, срывая низко висящие плоды, а именно заключая выгодные сделки в домах доверчивых старушек. Помогали обаяние и хорошо подвешенный язык; несмотря на суровую внешность, людям он нравился. Особенно пожилым дамочкам — по некоей причине, которую он не понимал и о которой конечно же не спрашивал. Он пробил нишу на рынке, позволявшую существовать относительно безбедно за счет той рухляди, что удалось выманить у старушек. Однако же каждый раз, когда Рики Мур входил в тот или иной дом, он рассчитывал наткнуться на настоящее сокровище.

Как в том особняке на Уитдин-Роуд, где он побывал пару недель назад. Старушенция прекрасно отдавала себе отчет в том, каким богатством обладает, и отнюдь не собиралась расставаться ни с единым экземпляром своей коллекции, по

крайней мере не в его пользу. Она выставила его за порог без малейших угрызений совести.

И вот в сегодняшнем «Аргусе» Рики прочитал, что она умерла. Глупая старая карга. Надо было продать ему те вещицы, которые он хотел. Быть может, на этом бы он и остановился и не стал звонить знакомым.

Хотя, возможно, все равно бы позвонил.

Пять штук наличными, аванс за наводку, жгли карман.

И никаких тебе налогов!

Главным достоинством этого паба было то, что сюда не заглядывали парни из Брайтона. Долгие годы дуруя людей, он нажил немало врагов, и рано или поздно в брайтонских пабах наткнулся бы на кого-то покруче, чем он сам, кого-то, кто не забыл. Вторым и гораздо более важным плюсом являлось то, что здесь он подбирал обрывки ценной информации дома.

Именно так он всегда и действовал. Найти паб в спокойном, зажиточном сельском районе. Заручиться там всеобщей симпатией и доверием. Посиживать в баре, время от времени угощая завсегдатаев, выходя подымить за компанию. Словом, не хлопай ушами, и рано или поздно ты услышишь о милых, богатых, уединенных особнячках. И рано или поздно кто-нибудь из местных пригласит тебя оценить какой-нибудь хлам — либо к себе домой, либо к матушке, либо еще куда. Ты тайком сделаешь фото, пару-тройку звонков, скинешь снимки картин по имейлу, и через несколько

месяцев маховик запустится.

Он поднял пинту «Харвис» за самого себя. Все у него зашибись. Жизнь прекрасна. Разве что для вечера пятницы здесь сегодня слишком тихо. Барменша, объект его вожделений, на работу не вышла, вроде как заболела. Но все прочее — в полном ажуре. В полнейшем.

О да.

От нечего делать Рики принялся изучать висевшую на стене фотографию футбольной команды. Надпись большими буквами под снимком гласила: «УИВЕЛСФИЛД УОНДЕРЕ-РЗ».

Внезапно он ощутил вибрацию в кармане брюк. Вытащил айфон. Посмотрел на экран — номер не определился. Поднеся телефон к уху, он тихо ответил:

— Да?

— Рики Мур? — осведомился звонивший.

— Да.

Вместо продолжения — короткие гудки.

Рики нахмурился и подождал несколько секунд, на случай если перезвонят. Но перезванивать в намерения незнакомца не входило. Он получил всю информацию, которая требовалась для установления личности, и стоял теперь в темноте, рядом с пабом, наблюдая через окно за тем, как Мур опускает телефон в карман и допивает пиво. Личность подтверждена.

Рики Мур поставил бокал на стойку, огляделся в поисках

возможного партнера по бильярду, но никого из постоянных игроков не заметил. Решив, что пришло время отправляться домой, он заказал еще одну пинту пива — на дорожку — и очередной стаканчик виски.

Его хозяйка, Кьерсти, красавица-норвежка, у которой он решил окончательно обосноваться, чтобы провести с ней — после двух сопровождавшихся взаимными обвинениями разводов — остаток жизни, страстно желала часы «Ролекс». Теперь благодаря миссис Макуиртер кое-какая монета у него завелась, и он рассчитывал, если все сложится, прикупить такие по цене даже ниже розничной — у одного знакомого торговца краденым золотишком.

Да она ж с ума сойдет, когда их увидит!

Влив в себя остатки спиртного, Рики Мур покинул паб с улыбкой на лице. Он позвонит ей от машины и скажет, чтобы скидывала с себя все и ждала его в постели.

Будь Рики Мур потрезвее, возможно, он не был бы столь беспечным. Но четыре пинты, сопровождаемые стопками виски, затуманили разум. Когда он вышел во мрак, вытаскивая из кармана сигареты, то не заметил ничего настораживающего. Хотя, если бы оглядел парковку, быть может, задался вопросом: а что делает здесь черный «мерседес» с тонированными задними окнами, выглядевший непривычно для стоянки сельского паба? Или услышал бы сквозь рокот пронесшегося мимо мотоцикла, как включается его двигатель.

Но Рики уже прикидывал, чем займется в постели с Кьерсти. Она была та еще озорница, и теперь, загрузившись спиртным, он чувствовал нарастающее возбуждение.

Нетвердой походкой пробираясь к своему подержанному БМВ, он приостановился, чтобы зажечь последнюю вечернюю сигарету. Кьерсти не позволяла курить в доме. Дул сильный ветер, и, чтобы пламя не погасло, ему пришлось прикрыть зажигалку руками. Он услышал медленное движение машины где-то рядом, но, сосредоточившись на сигарете, не придал этому особого значения. В третий раз щелкая зажигалкой, проигнорировал и звук открывшейся дверцы.

Рики выронил зажигалку, и сигарета выпала у него изо рта, когда страшные тиски сжали руку с такой силой, что он закричал от боли.

— Извините, — произнес Апологет, перехватывая его, совершенно ошеломленного, поперек туловища и впечатывая головой в заднюю правую дверцу. Дверца захлопнулась. — Мне очень жаль, — добавил он, когда машина рванула вперед.

В салоне стоял запах кожи и затхлого табачного дыма.

— Какого?..

— Извините. Мне действительно очень жаль. Вы должны мне верить. Мне не нравится причинять людям боль. — Он сжал левое бедро бедняги, сдавив нерв.

Мур закричал и забился, словно в агонии, и на какое-то время совершенно утратил дар речи.

— Извините. Не всегда удается рассчитать силу.

Спустя пару мгновений Мур почувствовал, как из кармана у него вытаскивают телефон.

— Эй!

Шести футов и семи дюймов ростом, Апологет весил триста сорок фунтов, большинство из которых составляли мускулы и лишь незначительное количество — мозги. В свою последнюю отсидку он закинул огромный холодильник на два пролета вверх по лестнице. Потому что был зол. Когда он выходил из себя, окружающим следовало держаться подальше.

Мур тяжело дышал и обливался потом. В ярком свете приближающихся фар он разглядел нависшее над ним лицо. Его истязатель выглядел почти неандертальцем — прикрывавшая высокий лоб челка наводила на мысль о монашеской tonsure.

— Что вам нужно? — выдохнул он.

У сидевшего впереди водителя из-под кепки выбивались патлы.

— Ничего, — ответил Апологет. — Я всего лишь выполняю свою работу. Она не очень приятная. Мне нужен ПИН-код вашего телефона.

Мур закатил глаза. Машина свернула налево. Огней за окном стало немногим больше.

— Вы совершаете ошибку. Я думаю, вам нужен кто-то другой.

Апологет сжал его ногу, заставив Мура вновь закричать.

— Пожалуйста, поверьте мне: никакой ошибки я не совершаю. В этом вам придется положиться на мое слово. Мне нужен ПИН-код.

Автомобиль снова повернул налево.

— Куда... куда мы едем? — выдавил из себя Рики Мур, сходя с ума от боли и страха.

— Извините, — ответил Апологет. — Этого я вам сказать не могу. Вы должны мне верить. Мне действительно очень жаль.

Только сейчас Мур отметил, что в машине играет музыка. Это была «Ода радости», хотя он не знал названия композиции и не мог оценить иронию. Классическая музыка ему никогда не нравилась. Было в ней что-то мрачное и противное. Через лобовое стекло он увидел задние огни впереди идущей машины. Похоже, они ехали за ней по темной сельской дороге.

Тут левое бедро вновь сжали адские тиски.

— Не надо! — закричал он.

Но тиски продолжали сжиматься.

— Извините, — сказал Апологет, — но я должен быть уверен в том, что вы не попытаетесь бежать. Простите, если делаю вам больно, мне очень жаль. Тот джентльмен, который хочет вас видеть, будет не столь любезным. Уж вы мне поверьте. А теперь — ПИН-код, пожалуйста.

Мур назвал четыре цифры. Похититель ввел их, и дисплей

ожил.

Передняя машина, «ренджровер», остановилась, и «мерседес» последовал ее примеру. К задней дверце подошел мужчина, и Рики Мура внезапно обуял ужас. Незнакомец опустил стекло, и лицо обдало холодным ветерком, в котором отчетливо ощущался запах свежескошенной травы. Его айфон передали через окошко, и стекло вновь встало на место.

— Эй! Он нужен мне обратно.

Похититель не ответил. Прошло несколько минут. «Рендж-ровер» неподвижно стоял перед ними, а затем резко сорвался с места. «Мерседес» последовал за ним.

— Мой телефон! — напомнил Рики Мур.

Апологет вновь сжал его бедро с еще большей силой, и Мур вскричал от боли, гнева и страха.

— Извините.

Наполовину выкуренная сигара с шапкой пепла на конце лежала в большой стеклянной пепельнице рядом с хрустальным стаканом виски «Мидлтон» — Гэвин Дейли пил только такой, — обходившимся ему в 267 фунтов за бутылку. Мысль о том, сколько стоит этот превосходный ирландский напиток, доставляла даже больше удовольствия, чем восхитительный вкус. Это означало, что его погрязшему в долгах идиоту-сыну Лукасу после его смерти достанется чуть меньше денег, хотя, впрочем, он запросто мог оставить их и внучке сестры и ее родственникам. Но сейчас, что нечасто случалось в его взрослой жизни, сын оказался хоть в чем-то полезным.

В синей домашней куртке, Дейли сидел за широким, с кожаным верхом столом, в кабинете своего роскошного палладианского особняка, в десяти милях к северо-востоку от Брайтона, с трудом сдерживая слезы. И пытаясь заставить себя сосредоточиться на раритетных эллиотовских часах, которые проверял для клиента перед отправкой их в конце недели на важный аукцион в Нью-Йорк. Рядом стоял телефон — в любую минуту мог позвонить кто-то из тех, с кем он связывался днем.

Торговцев, имеющих дело с действительно высококачественными винтажными часами всех марок, в мире можно

сосчитать по пальцам. Большинство из них — люди порядочные, но за долгие годы у него установились хорошие отношения не только с ними, но и с теми, для которых понятие «честность» — пустой звук. Он обзвонил и тех и других и теперь не без оснований надеялся, что, если кто-то попытается продать отцовские часы, ему об этом сообщат.

В свои девяносто пять Гэвин Дейли, по сути, так и не отошел от дел, лишь постепенно сбавлял в последние годы активность. Даже сейчас он по-прежнему управлял носившим его имя магазином на Брайтон-Лейнс, предпочитая не доверять бизнес непутевому сыну. Не то чтобы это действительно было нужно — у него хватало денег для того, чтобы прожить оставшиеся дни так, как ему нравилось. К тому же оставалось несколько клиентов, которым он давал профессиональные советы, для кого покупал и продавал, как в случае с этими часами, приобретенными для богатого английского коллекционера, — все это позволяло держаться в тонусе.

Правда, вернулись вызванные стенокардией боли в груди; теперь они беспокоили все чаще и чаще. Семейный доктор рекомендовал завязать с выпивкой и курением, но разве, черт возьми, теперь это важно? Гэвин Дейли сунул под язык таблетку нитроглицерина, подождал, пока та рассосется, и вновь раскурил сигару. Он знал толк в искусной работе, а эти часы отличались особенной красотой. Их квадратный корпус, с изящной маркетри и золотой инкрустацией, являл собой шедевр гравировки, а их ход, с единственным моло-

точком, бьющим по большому латунному гонгу, оставался совершенным. Конечно, они никогда уже не покажут время столь же точно, как какие-нибудь нынешние кварцевые, которые можно купить за несколько фунтов, но фишка ведь не в этом.

Он слегка подкорректировал длину маятника, после чего отложил инструменты в сторону. Устал, и голова почти не работала. Прошлой ночью он практически не сомкнул глаз, так тяжело было на душе. Давило горе. И осознание полного одиночества.

У него было все. Этот прекрасный дом, вилла на мысе Ферра на Французской Ривьере, за которой присматривали круглый год, но ирония судьбы заключалась в том, что все это теперь не имело для него значения. Он мрачно уставился через подъемное окно в темноту. Все вокруг в этой обитой дубовыми панелями комнате напоминало о прошлом. Черно-белая фотография его суровой, набожной тетушки Уны, вырастившей их с сестрой. Чуть далее — ряд вставленных в рамки фотографий отца, Брендана Дейли.

На одном, юношеском, снимке был изображен надвигающийся на камеру крупный парень в костюме-тройке, белой рубашке, черном галстуке и лихо сдвинутой набок соломенной шляпе; по бокам от него стояли двое других членов банды «Белая рука»: Мик Поллок — позднее, после того как из-за гангрены вследствие огнестрельного ранения ему отняли ногу, известный как Культяшка Поллок — и Эйден Бойл.

Двое из тех, чьи имена были написаны на обратной стороне первой страницы газеты «Дейли ньюс» от февраля 1922 года с рассказом об убийстве его матери и похищении отца. Газеты, которую он получил много лет тому назад от паренька-посыльного на 54-м причале.

Рядом висела фотография отца в купальных трусах, сделанная на Брайтон-Бич в Бруклине. Он ухмылялся; черные как смоль волосы растрепаны, на шее — серебряный кролик на цепочке. Цепочка, как однажды сказала Гэвину теть, принадлежала его деду, который в 1880-х был одним из лейтенантов в нью-йоркской банде «Мертвые кролики», тоже состоявшей исключительно из ирландцев. На следующем снимке отец, стильно одетый, был в котелке.

Он услышал стук, потом дверь позади него открылась. Пришла Бетти, его верная домоправительница, всего на пару лет младше.

— Вы так и не притронулись к ужину, мистер Дейли, — проворчала она.

Не оборачиваясь, он поднял руку, признавая сей факт.

— Тогда я уношу тарелки. Не желаете выпить чего-нибудь горячего или еще что-нибудь, пока я не легла?

— Нет, спасибо. Я жду посетителей, но сам им открою.

Пожелав спокойной ночи, она прикрыла дверь.

В доме стало мрачно и пустынно после того, как умерла Рут, его вторая жена. Напротив него стояла фотография в рамке, сделанная уже давно, когда ей было под сорок, а ему

около пятидесяти пяти. Камера запечатлела их на террасе на юге Франции, на фоне лазурной глади Средиземного моря. Ирландка, как и его первая жена Шинед, она тогда была рыжеволосой красавицей, но, в отличие от Шинед, хранила верность — в этом он не сомневался — все то время, что они были вместе. Шинед, мать его сына, умерла от передозировки снотворного после многих лет беспробудного пьянства и любовных интрижек. Ее фотографий в этом доме не было. Достаточно и того, что о ней напоминал их сын Лукас.

Одно время Лукас пытался убедить его переехать в дом престарелых, но он не хотел даже слышать об этом. Ему нравилось это место, и он еще помнил, как думал, когда покупал особняк много лет тому назад, что отец гордился бы им. По правде сказать, не все свои деньги он заработал честным путем, но разве в мире антиквариата есть кристально честные люди? Он был игроком в брайтонском антикварном кругу, мухлевал с ценами на аукционах, а однажды — мысль об этом и сейчас вызывала у него улыбку — на крупных загородных торгах даже запер известного лондонского дилера в туалете, чтобы не допустить его к торгам.

В другой раз, задолго до того, как появилась спутниковая связь, он и его знакомые, брайтонские торговцы антиквариатом, вечером накануне одного из крупнейших в округе загородных аукционов переставили все дорожные знаки, чтобы никто из ведущих лондонских дилеров не смог добраться до места проведения торгов.

Он взглянул, уже с нетерпением, на экраны камер наблюдения, показывающие фасад дома и подъездную дорожку, — вот-вот должен был появиться черный «ренджровер» сына. Лукас унаследовал от матери дурные гены. Дрянной сын, он мало того что не окончил школу и оказался не в состоянии поддержать семейный бизнес, так еще и парочку раз лишь чудом не угодил за решетку за избиение и торговлю наркотиками. Гэвину было жаль жену сына, вполне достойную женщину, которая, на его взгляд, заслуживала мужчины получше.

Выпив еще немного виски, он вновь раскурил сигару и обвел взором комнату, в которой принимал самых важных покупателей и где проводил в последние дни большую часть времени. Комната была обставлена так, чтобы производить впечатление, наводить на мысль об образованном, культурном человеке, аристократе, теперь лишь курировавшем то, что было унаследовано им от предков и чему предстояло перейти уже к его наследникам.

Вот только Гэвин Дейли не унаследовал ничего. Каждая вещь в этой комнате, как и почти все в этом прекрасном доме, была им тщательно отобрана и приобретена с одной-единственной целью: впечатлять таких же, как и сам он, тех, кто готов тратить внушительные суммы на антиквариат и открывать крупные торговые дома в Америке, Японии, а в последнее время и в Китае, дабы выглядеть людьми с отменным вкусом.

Два больших, обтянутых красной кожей дивана в стиле «честерфилд». На дорических постаментах — бюсты некоторых из его знаменитых соотечественников: Оскара Уайльда, Джорджа Бернарда Шоу, Уильяма Батлера Йейтса, Дж. М. Синга, Джеймса Джойса и Т.Э. Лоуренса, чей отец был ирландцем и чьими произведениями он восхищался. От стены до стены — книжные шкафы, заполненные томами в кожаных переплетах. Днем из окна открывался чудесный, в обрамлении итальянских кипарисов, вид на пышные сады, окаймленное статуями декоративное озеро и зеленевшие вдали холмы южного Даунса.

Он вытащил из ящика стола книгу в темно-красном кожаном переплете и раскрыл ее. Внутри обнаружилась пожелтевшая, почти истлевшая страница из «Нью-Йорк дейли ньюс» от февраля 1922 года в прозрачном пластиковом конверте.

Не было дня в его жизни, когда бы он не смотрел на эту страничку из газеты и на имена и цифры на ее обратной стороне. Четыре имени, наполнявшие его всепоглощающей ненавистью каждый раз, когда он их видел.

Фергал Килпатрик. Мик Поллок. Эйден Бойл. Киллиан Креган.

Люди, которые, как сказала полиция тете, вошли в родительский дом, вломились в его комнату и ослепили его светом фонариков. Наполнили его спальню запахом спиртного и пота.

Люди, которые убили его мать и увели с собой его отца.

Все они давным-давно мертвы. Но осознание этого не приносило ни утешения, ни удовлетворения. Лишь сожаление. Глубокое сожаление оттого, что он так и не вернулся в Америку многие годы назад и не разыскал их, когда они были еще живы. А теперь слишком поздно.

Он часто пробивал их по Гуглу. Все имена были там, имена лейтенантов Дикого Билла Ловетта, который взял на себя руководство бандой «Белая рука», контролировавшей порты Манхэттена и Бруклина, после убийств главаря, Динни Мизна, а затем и следующего в их иерархии, Брендана Дейли.

Его отца.

Он долго изучал высветившиеся на экране компьютера ненавистные лица. Культяшка Поллок умер первым, был застрелен в баре в ходе одной из уличных войн, и убийц его так и не нашли.

Остальные трое сгинули, растворились в дымке времени. Их фамилии бесчисленное количество раз всплывали в интернет-поисковиках наряду с именем самого Дейли.

«Старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения».

Тетя Уна, увезшая их с сестрой в Ирландию, была глубоко верующей женщиной. Она читала им отрывки из Библии на протяжении всего путешествия из Нью-Йорка, а потом и каждый вечер их прошедшего близ Дублина детства.

Сам он к религии остался равнодушен, но вот насчет этого

Книга пророка Иоилия была права. Юношей он имел множество видений, теперь же ему снились только сны. Он поднял глаза на бюст Лоуренса Аравийского. Одна цитата из книги этого великого человека, «Семи столпов мудрости», стала его мантрой на всю жизнь.

Мечтают все: но не одинаково. Те, кто по ночам грезит на пыльных чердаках своего ума, просыпаются днем и обнаруживают, что все это было тщетой; но те, кто мечтает днем, опасные люди, ибо они могут проживать свою мечту с открытыми глазами, воплощая ее.

Он всегда был мечтателем, фантазером, но теперь понял, что, наверное, оставался всего лишь лунатиком. Ему уже девяносто пять, но он так и не сдержал самое большое, самое важное обещание из тех, что давал в своей жизни. Клятву, которую, будучи еще маленьким мальчиком, произнес на борту «Мавритании» многие десятилетия назад.

«Когда-нибудь, па, я вернусь и найду тебя. Спасу тебя, где бы ты ни был».

Он вновь, уже в миллионный раз, посмотрел на единственный имевшийся у него ключ к разгадке.

9 5 3 7 0 4 0 4 2 4 0 4.

Чего он только не перепробовал. Проверял номера земельных участков на каждом кладбище в районе Нью-Йорка. Проверял номера заключенных — но номера были слишком длинные. Проверял координаты — но они были слишком короткими. Телефонные номера. Номера домов и машин. Но-

мера банковских счетов. Коды депозитных ячеек. Он обратился к крипто-аналитикам, чтобы узнать, не представляют ли эти цифры некие буквы из зашифрованного послания. Но везде результат был отрицательным.

Вдруг он услышал монотонное «бип-бип-бип».

Сигнал тревоги, оповещающий о том, что кто-то приближается к периметру владения. Он пробежал взглядом по мониторам камер наружного наблюдения на стене, справа от стола, и остался доволен увиденным.

Они прибыли.

Почти без опоздания.

— Arrivederci, солнышко, — сказал водитель, впервые повернувшись к Рики Муру лицом. Похож на нечесаного гомика, мрачно подумал Мур.

Апологет выдернул Мура из «мерседеса» с такой легкостью, словно тот был срезкой в карточной колоде, и при свете прожекторов в тишине ночи воткнул прямо в гравий рядом с большим крыльцом белого особняка.

Они были в полумиле от съезда на змеившуюся между деревьев частную подъездную дорожку и в трех милях от ближайшего жилища. Исходя из своих знаний Суссекса, Мур смутно представлял себе, где именно они находятся, но детали топографии Льюиса знал плохо. Где-то поблизости ухнула сова. Напротив него выбирался с заднего сиденья «ренджровера» дородный мужчина с короткими, уложенными гелем волосами и в стильном деловом костюме. Из-под пиджака у него что-то выпирало.

Моноotonно, словно часы, постукивал остывающий двигатель. Мужчина в деловом костюме направился к крыльцу. В темноте, тишине и при полном отсутствии каких-либо соседей Рики Муру с каждой секундой становилось все страшнее и страшнее. Надо бежать, но как? Почти парализованный страхом, мозг почти не работал. В следующую секунду он вскричал от боли, сковавшей правую руку.

— Извините, — сказал Апологет, таща его за собой. — Мне действительно очень жаль, поверьте. — Он улыбнулся. Зубы у него явно нуждались в хорошем дантисте. — Я всего лишь выполняю свою работу.

— Послушайте, — настойчиво заговорил Мур. — Я заплачу вам хорошие деньги, если вы отвезете меня обратно в паб. Много денег. Я хочу сказать — очень много.

Апологет был человеком преданным. Прозвище он получил в тюрьме за то, что постоянно извинялся, перед всеми и за все что угодно, и оно ему нравилось. Своим настоящим именем — Августин Красники — он пользовался редко. Извинения были частью его натуры, и с этим он ничего не мог поделать. В детстве, в родной Албании, мать ставила ему в укор то, что его отец бросил ее. Она попрекала сына каждой мелочью, и успокоить ее можно было только постоянными, бесконечными просьбами о прощении. Он был виноват даже в том, что шел дождь, а потому извинялся и за это. Потом пошли приемные семьи, менявшиеся одна за другой. Людей пугал его вид и физическая мощь. Осознавать и контролировать свою силу он научился не сразу. Однажды убил хомячка, слишком сильно его погладив, в другой раз случайно придушил волнистого попугайчика. Люди кричали от боли, когда он пожимал им руку. Он пытался запомнить, что нужно быть аккуратным и осторожным, но голова не всегда работала так, как надо.

Когда мальчишки в школе дразнили его, называя уродом,

он пытался — и не мог — контролировать свою силу. Одним толчком ломал ребра или выбивал зубы, все до единого, как кегли в боулинге! Он не мог сдержаться, когда дети обзывали его Борисом Карловым, говорили, что он похож на чудовище Франкенштейна. Он бил их, а потом извинялся.

Лишь один человек выказывал ему милосердие. Его босс, Лукас Дейли. Он давал деньги, позволял жить в комнате над магазином на Лейнс. Апологет охранял магазин и присутствовал на всех чреватых опасностью сделках своего хозяина. С Лукасом Дейли предпочитали не связываться — всем хватало одного лишь взгляда на его телохранителя. И ему, своему боссу, Апологет был предан душой и телом.

— Извините, — сказал он Рики Муру. — Я бы и хотел согласиться. Правда. Мне нравится соглашаться и брать деньги. Но я не могу. Вы уж поверьте.

Мужчина в деловом костюме открыл переднюю дверь своим ключом, и Рики Мур, получив легкий толчок от Апологета, влетел, едва не растянувшись на пороге, внутрь дома. Дверь закрылась. Они были в просторном холле с выложенным, как шахматная доска, черными и белыми плитками полом. Два рыцаря в доспехах, каждый с копьем в правой руке, застыли по обе стороны массивной лестницы. На стенах красовались чудесные, написанные маслом картины, которые — в иных, конечно, обстоятельствах — наверняка заинтересовали бы гостя. Но сегодня Мур едва заметил их сквозь выступившие от боли слезы.

В воздухе стоял сильный запах сигарного дыма. Муру отчаянно хотелось курить. Старик с седыми волосами, в домашней куртке из мягкой шерстяной ткани — такие надевали для защиты одежды от табачного запаха — и черных бархатных тапочках с монограммой вышел им навстречу, опираясь на палку с серебряным набалдашником. В свободной руке он держал большую сигару. В васильковых глазах пылала ярость.

— Рики Мур?

Он молча кивнул.

— Я — Гэвин Дейли. Спасибо, что заглянули.

— Очень смешно, — дерзко проворчал Мур.

Дейли усмехнулся в ответ. Глаза его на мгновение потеплели, как будто солнце выглянуло из-за грозовой тучи.

— Смешно? Любите пошутить, да? Думаете, это смешно, когда у пожилых беззащитных леди выманивают обманом их ценности?

— Не понимаю, о чем это вы.

— Вам ведь хорошо платят за информацию, не так ли? Посылаете заранее свою листовку, потом приходите в дом и фотографируете все, что кажется важным?

— Только не я. Честно, не понимаю, о чем речь. — Он вскрикнул от боли — Апологет снова надавил на нерв на руке, словно напоминая о том, что ему лучше и не думать о побеге. — Ко мне это не относится.

— Дом на Уитдин-Роуд.

— Никогда там не был.

— Там живет одна леди, и на столе в холле одна из ваших листовок.

— Не припоминаю.

— Дай-ка освежу твою память, — язвительно сказал мужчина в деловом костюме и шмыгнул носом. Здесь, в холле, он выглядел повыше, чем показалось Муру раньше. Черные, смазанные гелем волосы зачесаны назад. Как у тех гангстеров, братьев Крэй, фотографию которых Мур где-то видел.

Он огляделся, прикидывая, можно ли вырваться отсюда, если горилла на секунду отпустит его руку.

— Твой айфон? — спросил тот, что напоминал Крэев, показывая телефон.

Мур кивнул и зашипел от боли — здоровяк снова сжал пальцы.

— Извините!

— Я, кстати, Лукас Дейли, — пояснил мужчина в деловом костюме. — Благодаря тебе мою тетю ограбили и убили. Сестру моего отца. Нам это очень не нравится.

— Я тут ни при чем! — горячо возразил Мур.

Лукас Дейли нахмурился, посмотрел на айфон, постучал по экрану и поднес айфон к его лицу.

— Узнаешь?

Рики Мур неохотно взглянул на фотографию уайтхерстовских позолоченных часов, висевших в гостиной Эйлин Макуиртер.

— Нет. Не узнаю.

— Хреновая ж у тебя память. — Лукас Дейли снова шмыгнул носом.

Мур промолчал, отчаянно пытаясь придумать что-то убедительное, но ничего не получалось.

— А как насчет этого?

Теперь ему показали высокий изящный комод, выполненный в георгианском стиле. Он снова покачал головой.

Двойник Крэев опять постучал по айфону.

— Это?

Мур воззрился на раскладной чиппендейловский столик.

— Никогда не видел, ей-богу! Это не мои фотографии. Я ничего такого не снимал.

Сын старика сунул руку под пиджак и извлек то, что оттопыривало полу. Это были электрические щипцы для завивки.

— А как насчет этого, мистер Мур?

— Да я в глаза их не видел! Честно!

— Точно такими пытали мою тетю, — сказал Лукас Дейли. — Ее мучили, чтобы узнать код сейфа и банковские ПИН-коды. Как думаешь, тебя они тоже разговорят? Нам нужны от тебя кое-какие имена. Начни с тех, кто ограбил дом тети Эйлин на Уитдин-Роуд.

— Лукас! — предупредил старик. — Без насилия. Мне это не нужно. Хватит. Я так не работаю.

— Честно, сэр, я не знаю никаких имен, — с пробудив-

шейся вдруг надеждой обратился к нему Рики Мур.

— Иди спать, отец, — сказал Лукас Дейли.

— Никакого насилия, ты понял? — повторил старик.

— Иди спать. Позволь мне самому с этим разобраться.

— Мистер Мур, мне лишь нужны имена людей, сделавших это с моей сестрой, — сказал старик и, повернувшись, вышел из холла.

Мур посмотрел на Лукаса Дейли, потом уставился в пустое, ничего не выражающее лицо Апологета.

— Мой отец, мистер Мур, человек мягкий, так что мы заберем вас отсюда. Вряд ли ему придется по вкусу то, что мы собираемся с вами сделать — освежить вашу память, понимаете?

Рики Мур заверещал от ужаса, когда его толкнули к двери. А еще через секунду почувствовал, как повлажнели вдруг брюки.

Он обмочился.

Когда-то, когда она еще жила нормальной жизнью, Саре Кортни нравились пятничные вечера. Начало уик-энда, можно расслабиться, посмотреть какую-нибудь ерунду по телевизору, «Большого брата» или еще что-нибудь, а затем, в десять вечера, грязное, похабное шоу по четвертому каналу. Все это кануло в Лету. Теперь вечер пятницы означал лишь то, что ее муж, Лукас, придет домой более пьяным, чем в любой другой вечер недели. Если вообще придет.

Она вздрогнула и тут же проснулась. По телевизору, с приглушенным звуком, шел какой-то старый фильм. Питер Селлерс в роли инспектора Клузо, стоял в офисе Герберта Лома. Было полтретьего ночи. Сверху, из комнаты ее строптивного тинейджера-сына, неслись кошмарное «бум-бум-бум» хеви-метал и звуки скрипящих кроватных пружин. Уловила она и слабый запах марихуаны. Только этим Дэмиен в последнее время и занимался. Слушал ужасную музыку, ловил кайф и мастурбировал.

Исполненная сознанием супружеского долга, она приготовила Лукасу ужин, разогрела к восьми вечера, когда, по его заверениям, он должен был явиться, и с тех пор так и держала в теплой духовке. Она услышала звук открывающейся двери, удар о стену — стопор давно уже вылетел из лунки в полу и так и не был возвращен на место, — а затем тяжелые,

неуклюжие шаги мужа.

Шаги остановились, едва он вошел в просторную, с минимальным количеством перегородок жилую зону их уютного дома на Ширли-Драйв в Хоуве. Дома, в котором они все еще жили лишь благодаря ее зарплате, уходившему на выплату ипотеки.

— Какого хрена ты сделала со своим лицом? — невнятно пробормотал он и шмыгнул носом.

— Мы уже обсуждали это вчера вечером. Твой ужин в духовке, — ответила она.

— Я спросил, какого хрена ты сделала со своим лицом?

— Ты что, глухой? Говорю же, мы обсуждали это вчера вечером. Ты просил приготовить поесть к восьми.

— Прекрати игнорировать меня, дрянь. Мне нужно было разобраться с делами. Понятно? Мою тетку убили, помнишь? Где вообще твое сострадание? — Он хлопнул себя по животу. — Ты хоть представляешь себе мои чувства? Пришлось разобраться с мерзавцем, который это сделал. Хорошего мало... Ну, пропустил потом пару бокалов пива. Слышишь, что говорю?

Пошатываясь, он подошел ближе. «А ведь когда-то я любила тебя, — подумала она. — Боже всемогущий, действительно, в самом деле любила. Тебя, жалкий, отупевший от пьянства тюфяк. Любила за те чувства, что ты у меня вызывал, за то, как ты смотрел на меня. Любила за то, как ты разбирался в антиквариате. За то, что ты мог войти в комнату

и рассказать мне все-все о каждом предмете мебели в ней».

— Опять впрыскивала в себя ботокс, не так ли? Ах, этот славный доктор Ревсон! Платим ему деньги, которых у нас нет. А может, ты с ним трахаешься или еще чего?

Ей удалось сохранить самообладание.

— Много сегодня просадил в казино?

— Да уж, дерьмовый выдался денек.

— Будто другие лучше! А лицо я подновила, — спокойно сказала она, — чтобы попытаться сохранить работу. Чтобы кормить тебя чем-то... и вливать пиво в твое жирное тупое брюхо. Я сделала это для того, чтобы тебе не приходилось бегать через каждые несколько месяцев к папочке за все новыми и новыми финансовыми вливаниями...

Больше она ничего сказать не успела. Его правый кулак врезался ей в живот, сбросил на пол. Ублюдок был хитер. Всегда бил так, чтобы синяков потом не было видно под одеждой.

«Завтра, — пообещала себе Сара, — я от него уйду». И все же она знала, что завтра он будет плакать, просить прощения и говорить, как сильно ее любит и что жить без нее не может. Завтра он будет клясться, как всегда, что они смогут все начать с чистого листа.

Перегрин Стюарт-Симмондс был высоким, жизнерадостным мужчиной за шестьдесят, с внушительной фигурой, элегантно упакованной в двубортный, в мелкую полоску костюм. Голову его украшала шевелюра волнистых седых волос, а узкие, в костяной оправе очки, державшиеся на краешке носа, придавали вид достопочтенного ученого.

Сейчас Перегрин Стюарт-Симмондс сидел за круглым столом в маленьком кабинете Роя Грейса, распространяя свежий запах мыла и с трудом подавляя зевок.

— Извините! — добродушно произнес он гроыхающим голосом торговца. — Заработался допоздна, составлял для вас список.

Часы показывали двадцать минут восьмого. И это суббота! Очередной уик-энд к черту. Грейс тоже зевнул. Он тоже бодрствовал едва ли не всю ночь. Сначала засиделся за пол-ночь с несколькими коллегами на работе, а потом, уже ночью, Ной разошелся так, что они с Клио даже не успевали толком уснуть.

— Кофе будете? — предложил он.

— Только со шприцем. Я принимаю его внутривенно! Черный, без сахара и, пожалуйста, покрепче.

Грейс вышел и через несколько минут вернулся с двумя дымящимися чашками.

— Ценю вашу расторопность, мистер Стюарт-Симмондс.

— Приходится торопиться, если мы не хотим упустить украденное. Можете не сомневаться, все было самым тщательным образом спланировано, и большая часть вещей, если не все, наверняка уже вывезены из страны. Когда начинается ваше совещание?

— В полдевятого. В нашем распоряжении час, и я хотел бы получить от вас по возможности больше информации. Список ценностей, взятых из дома миссис Эйлин Макуиртер, у нас есть, и я хотел бы знать, по каким признакам мы можем их опознать и насколько они уникальны. Мне также интересно ваше мнение по такому вопросу, как транспортировка краденого. Каким способом вещи могли перевозить, куда переправить и какие ведомства в других странах в состоянии нам помочь. Вы также могли бы дать мне совет относительно параметров формирования следственной группы и прочитать короткую лекцию о том, как работает мировой рынок антиквариата.

За окном, карабкаясь в гору, натужно захрипел фургон торговой сети «Асда». Эксперт подул на кофе и сделал осторожный, пробный глоток.

— Точнее, как работает мировой черный рынок антиквариата — думаю, вам это важнее.

— Полностью на вас полагаюсь.

— Прежде всего нужно понять следующее: мелкие предметы, такие как относительно недорогой фарфор, ювелир-

ные украшения, картины, столовое серебро, — то, что стоит несколько сотен фунтов, — можно легко продать в городе вроде Брайтона, где имеется вполне достаточное количество антикварных салонов и магазинчиков. Предметы по-настоящему дорогие внесены в международный регистр вместе с фотографиями и подробным описанием. Этот регистр получают по подписке все уважающие себя дилеры. Никто из них к такой вещи и на пушечный выстрел не подойдет.

— И это работает в нашу пользу? — спросил Грейс.

— И да и нет. В реальной жизни происходит следующее: краденый антиквариат уходит в подполье, а это плохо. Большая часть такого антиквариата похищается по предварительному заказу частных покупателей. Лет через двадцать, тридцать или пятьдесят, когда и если эти покупатели пожелают продать тот или иной предмет, в регистре его давно уже не будет.

— С чего начать поиски?

— Я так понял, что миссис Макуиртер — сестра Гэвина Дейли?

— Да.

Эксперт кивнул.

— Это человек с большой репутацией. Одно время он был в числе крупнейших дилеров Великобритании. Весьма почтенный господин. — Он улыбнулся. — Возможно, чуточку мошенник.

— Вот как? — оживился Грейс.

— Такими были большинство прежних дилеров в Брайтоне. Они даже организовали свой нелегальный концерн под названием «Кольцо» и, договариваясь между собой, устанавливали цены на аукционах. Что вовсе не умаляет достоинств Гэвина Дейли. Как следует из списка украденного в доме миссис Макуиртер, она владела несколькими прекрасными вещами. Очевидно, что, покупая их, она пользовалась чьим-то советом. Скорее всего, ее консультировал брат. Но, как и все, приобретала кое-что и классом ниже. — Мистер Стюарт-Симмондс поднял палец. — Думаю, первым делом вам нужно поискать под низко висящими фруктами.

— Под низко висящими фруктами? — недоуменно повторил Грейс, с опаской отпивая обжигающий кофе. За окном кропил дождь, в кабинете заметно похолодало. Как будто дохнуло осенью. Где-то зазвонил телефон. Трубку никто не снял. Он чувствовал невероятную, давящую усталость, а значит, чтобы пройти лежащий впереди долгий день, нужно собрать в кулак все силы. Ничего другого не оставалось. Впрочем, ничего другого, как только поймать подонков, он и не хотел.

— Судя по объему украденного и размеру некоторых предметов, можно с уверенностью сказать, что грабителей было по меньшей мере двое, а скорее трое. Если не четверо. Знаю на собственном опыте, что грабители, когда работают под заказ, имеют обыкновение прихватывать что-то для себя, берут то, чего нет в списке, а потом продают за наличные

скупщикам краденого. — Эксперт снова подул на кофе. — Я почти уверен, что у миссис Макуиртер были фотографии всего имеющегося в каждой комнате — их делают при заключении страхового договора. Если вы их отыщете, то сможете проверить, что именно взято и что осталось, помимо тех особо ценных вещей, которые уже идентифицировал ее брат. Если будет установлено отсутствие каких-то предметов, то вам стоит отправить своих людей, с фотографиями, в местные антикварные магазины, а также проверить уличные киоски и присмотреться к распродажам с колес. И, разумеется, тщательно пройти по торговым площадкам eBay.

Грейс сделал соответствующие пометки в блокноте.

— Когда вы говорите о краже под заказ, это ведь предполагает некую инсайдерскую информацию.

Мистер Стюарт-Симмондс кивнул:

— Вы упоминали, что в доме нашли рекламный листок какого-то «молоточника»?

— Да. Некого Р.К. Мура.

— Классический случай. «Молоточник» проникает под благовидным предлогом в дом и видит замечательную коллекцию прекрасных и дорогущих вещей. Он все записывает, часто фотографирует, разумеется скрытно, а потом продает адрес и перечень имеющегося. Некоторые крупные игроки имеют связи со страховыми компаниями — подкупают их сотрудников и получают полную опись имущества.

— Интересно, — задумчиво протянул Грейс. — Един-

ственной незастрахованной вещью в нашем случае были карманные часы.

— Но почему?

— По той самой причине, о которой вы только что рассказывали. Гэвин Дейли опасался, что, если часы попадут в реестр страховой компании, они могут стать для кого-то целью. О том, что они лежат в сейфе, не знал никто. К тому же и сам сейф очень надежно оборудован. Мистер Дейли лично спроектировал его как двойной.

— Двойной?

— Да. Весьма хитроумная придумка. Вы открываете сейф и думаете, что это уже все. Но задняя стенка — ложная. Вы вставляете торцовый ключ, поворачиваете, и она открывается, а за ней еще одна дверца со вторым кодовым замком. Обычно большинство грабителей и не догадываются о существовании потайной дверцы.

Эксперт пожевал губами.

— Если они не знали о часах, то не могли продать их заранее. Следовательно, либо они отдали часы своему нанимателю, либо постараются продать сами. «Патек Филип» 1910 года — вещь чертовски редкая. Я бы сказал, суперинтендент, что вашей первостепенной задачей должен стать поиск потенциальных покупателей. Часы наверняка приведут вас к преступникам.

— Если всплывут, — уточнил Грейс.

— Всплывут, это я вам гарантирую. Они — самое ценное

из того, что взяли грабители, но они же и представляют для них самую большую угрозу.

**ЧТОБЫ РАБОТАТЬ ЗДЕСЬ,
НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО БЫТЬ
СУМАСШЕДШИМ. НО ЭТО ПОМОГАЕТ!**

В некоторых офисах табличку с таким девизом вешают шутики ради, но здесь ее не было. Чтобы работать здесь, нужно было действительно быть сумасшедшим. На полном серьезе. Сумасшедший здесь, наверное, высшая квалификация, думал Гарет Дюпон. Он и был таким, и прекрасно это знал. Принимал наркотики, отсидел за причинение тяжких телесных повреждений — тот хмырь заслужил свое за то, что клеился к его девушке в баре, но, может быть, оно и не стоило двух лет в тюрьме и судимости в придачу.

Ему исполнилось тридцать три. Он был смазливый, смуглый, с роскошными темными волосами — испанские гены матери, — накачанный — не щадил себя в спортзале — и страстный фанат сальсы.

Гарет Дюпон неплохо заработал на аферах с продажей акций по телефону — почти все ушло в нос, — до пятницы сбывал изоляцию для перекрытий, а теперь, в начале новой недели, после «банковских каникул», продавал рекламные

площади в спортивных журналах для базирующейся в Брайтоне компании «Маунтинпик пабблишинг». Была у него и побочная работа, приносявшая время от времени очень неплохой доход. И еще он много разговаривал с Богом. Бог иногда отвечал, но все же не так часто, как хотелось бы. В последнее время, решил Дюпон, Господь был определенно им недоволен. И вполне справедливо. Но, с другой стороны, нельзя же всегда быть совершенством. Бог должен это понимать.

После школы Дюпон подумывал, не податься ли в монахи. Но в последний момент осознал, что слишком любит женщин. И выпивку. И кокс. И деньги, чтобы все это покупать. Тяга, однако, осталась. На данном этапе телепродажи приносили хороший доход, что было как нельзя кстати, потому что к концу недели он всегда оказывался на мели, а после долгого уик-энда уж тем более. С пустым карманом и больной головой. Сегодня в карманах даже не звенело, а похмелье оказалось на редкость тяжелым.

А тут еще любовь.

Так ведь для чего еще нужны выходные, если не для этого? Погулял, выпил — сходи в церковь. Вот только чем меньше об этом говоришь, тем лучше. И вообще, он начал приходить к выводу, что церковь — это все же не его. Какое удовольствие сидеть со старушками в приколотых к голове шляпках и престарелыми ректорами со щелкающими челюстями? К Богу можно обратиться и без церкви, так ведь? Бог внутри тебя: в твоём сердце, в голове, в глазах.

Бог был и в видениях Суки Янь. Китайка из Америки, она работала здесь на одну Ай-Ти-медиакомпанию. Они познакомились в пятницу вечером в брайтонском баре «Богемия». Потом спали до раннего субботнего утра и большую часть оставшегося уик-энда трахались до умопомрачения, подзаряжаясь всем, что вдыхалось и глоталось.

Осталась, правда, одна проблемка — кое в чем он ей при-
врал. Не сказал про дамочку, с которой встречается, про то, что квартира не его собственность, что он ее только снимает и на данный момент ему даже нечем заплатить за следующий квартал, который наступит через семь недель. А еще со-
врал насчет отличной работы в медиабизнесе. Хотя «Маунтинпик» ведь медиакомпания. Типа того.

Здесь, в офисе на втором этаже промышленного здания у входа в порт Ньюхейвена, что в десяти милях к востоку от Брайтона, их было шесть команд по пять человек в каждой и менеджер. Все мужчины. Все в рубашках с короткими рукавами, некоторые с приспущенными галстуками, другие с расстегнутыми воротничками. Все сидели за современными столами. Никому, кроме сидевшего на другой стороне босса, Алана Прайора, не было еще и тридцати пяти. Перед каждым — плоский экран, клавиатура, телефон, кофе и несколько бутылок воды. На часах полдесятого, и Гарет провел за столом всего лишь тридцать минут, а чувствовал себя так, словно с утра прошло уже несколько часов. Девять звонков — и ни одной продажи. Может, сейчас повезет.

Гарет пососал корку на костяшке сбитого пальца на правой руке и набрал номер, перенося всю ответственность за исход разговора на Бога. Как ни крути, а Господь изрядно ему задолжал. «Это — за тобой, Господи», — прошептал он одними губами и закрыв на секунду глаза.

Женский голос, резкий, острый. Уже по тому, как отвечают, можно определить, легко пойдет дело или трудно. Здесь он сразу понял — с этой придется попотеть. Гарет Дюпон посмотрел на лежащий перед ним текст и, взяв нужный тон, легкий и беззаботный, начал читать:

— Привет, это Гарет Дюпон. Я звоню от имени гольф-клуба северного Брайтона. Могу я поговорить с хозяином бизнеса или кем-то, кто отвечает у вас за маркетинг и рекламу?

На другом конце молчали. Уж не повесила ли эта корова трубку?

— Уточните, пожалуйста, вы по какому делу?

Гарет перескочил глазами к разделу, где рассматривалась такого рода ситуация, и, сохраняя бодрый тон, принялся читать вслух:

— Причина, по которой я вам звоню, заключается в том, что через пару месяцев мы выпускаем официальный корпоративный проспект-ежегодник для гольф-клуба северного Брайтона и проводим массированную дистрибуционную кампанию. В программу включены тысячи домов и большая часть находящихся в этом районе бизнесов, включая, разумеется, и сам клуб.

— Наш бизнес никакого отношения к гольфу не имеет, — холодно ответила она.

— Ну, вы так не думайте. Меня попросили найти крепко стоящие на ногах бизнесы и предложить им возможность расширить сферу деятельности. Имея в виду ваше конкретное направление, мы полагаем, что в данном случае имеем идеальное совпадение интересов. Наша целевая аудитория — богатые, влиятельные люди, способные оплатить предоставляемые нами услуги. Меня просили особенно тщательно удостовериться в том, чтобы нашими партнерами были только надежные, профессиональные компании. Дело в том, что в рамках каждой публикации должно быть не более одного представителя каждой профессии или направления деятельности. Таким образом, все ваши конкуренты исключаются, и вы становитесь единственной открытой для обращения компанией.

— У нас похоронный бизнес, — ответила собеседница. — С какой стати нам рекламировать себя в проспекте гольф-клуба?

— В клубе немало пожилых членов. Рано или поздно они умрут. Сейчас я в общих чертах...

В трубке щелкнуло.

Вот стерва. Бросила трубку.

«Большое тебе спасибо, приятель», — мысленно обратился к Богу Гарет. Потом перешел к следующему имени в списке, отпил воды и набрал номер.

К пяти часам, когда работа уже пошла на спад, Гарет Дюпон продал полстраницы компании в Портслейде, занимающейся настилом полов. Не самый лучший старт на новой работе, но, может быть, завтра будет лучше. Должно быть.

Он вышел из офиса, надел «рэй-баны» — солнце еще светило вовсю, — забрался в арендованный черный «порше»-кабриолет, повернул ключ и опустил крышу. Посидел задумчиво. Подумать было о чем: плата за квартиру, очередной взнос за «порше». Может, немного помолиться? Он уже давненько этого не делал по-серьезному. С другой стороны, разозлив Бога, с молитвой торопиться не стоит. Лучше подождать в сторонке.

Он поехал в сторону Ньюхейвена, потом, уже в городе, свернул на прибрежную дорогу, которая вела домой, в Марина-Виллидж. У газетного киоска в глаза бросился баннер «Аргуса» с большими черными буквами:

УБИЙСТВО МАКУИРТЕР — НАГРАДА В 100 000 ФУНТОВ

Не обращая внимания на машину сзади, Гарет Дюпон ударил по тормозам и вильнул к бордюру. Заскочил в магазин, купил газету и, стоя у входа, пробежал глазами заметку под сенсационным заголовком, словно не замечая образовавшейся на узкой улице пробки.

Гэвин Дейли, брат Эйлин Макуиртер, убитой на прошлой неделе в своем особняке на Уитдин-Роуд, объявил о награде в 100 000 фунтов за информацию, которая приведет к аресту и обвинительному приговору для убийц его сестры.

Он продолжал читать. В конце заметки приводились два телефона: один в управлении уголовных расследований и второй для анонимных звонков в «Краймстопперс».

Гарет Дюпон ухмыльнулся. Иногда человеку просто везет! «Спасибо, Господи», — беззвучно поблагодарил он. Все прощено!

Криминалисты закончили свою работу в доме его сестры, и оцепление было снято. Шесть часов вечера. Ясное небо. Гэвин Дейли сидел в своем «мерседесе» в конце ведущей к особняку подъездной дорожки.

По обе стороны от дорожки, с небольшим интервалом друг от друга, были установлены желтые полицейские знаки с одинаковой надписью:

Вы находились здесь между 18.30 и 22.30 в прошлый вторник, 21 августа?

Вы видели здесь фургон?

Если да, пожалуйста, свяжитесь с полицией и попросите соединить вас с оперативным штабом — 01273 470101.

Гэвин Дейли распорядился отвезти его к дому. Там он вышел, отпустил шофера, сказав, что вызовет его, когда понадобится возвращаться, обошел дом и поднялся на крыльцо.

Рука заметно дрожала, пока он вставлял ключ в замок; в горле застрял комок.

На пороге старик задержался, словно не решив, хочет ли входить. Но дела не отложишь.

Вечер выдался теплый, и сад наполнился птичьими голосами, стрекозами, осами; с соседнего участка доносился шелест разбрызгивателя. Согласно календарю, лето заканчива-

лось через несколько дней. Сколько их ему отмерено увидеть? Сколько бы он хотел?

И хотел бы вообще?

Все, кого он когда-либо любил, умерли. Мать — под пулями в собственной спальне. Отец — уведен в ночь. Он проводил в могилу двух жен и зятя. И теперь, когда коронер даст разрешение, похоронит сестру.

Гэвин Дейли не знал, сколько осталось лет, прежде чем сын отвезет его на кладбище. Он еще подвижен, несмотря на палку, а благодаря мастерству местного пластического хирурга выглядит лет на двадцать моложе. Проблемы с сердцем решены посредством тройного шунтирования. Правда, теперь появилась стенокардия. Простату ему удалили. Он достиг того, что называют зрелой старостью. Но зрелым себя не чувствовал. Скорее гнилым.

И не сдержавшим слова.

Гэвин Дейли повернул ключ, толкнул дверь и осторожно вошел, ступая на положенные криминалистами подножки. Дом встретил его запахами, от которых печаль только углубилась. Запах старости. Мебельной политуры. Ветшающих тканей. К старым добавились теперь и новые, принесенные экспертами с их химикалиями. Он посмотрел на пустое, более темное, чем остальной пол, место, где десятилетиями стоял красивый столик. Посмотрел на прямоугольники на стенах, где висела собранная сестрой коллекция прекрасных картин. Его окружала тишина, такая давящая, что

он ощущал ее как тяжелое пальто на плечах.

Тетя Уна взяла за обыкновение каждое воскресенье водить их с сестрой в церковь. Но ребенком времени на религию у него не находилось. Теперь его было еще меньше. Да, случалось, что он был счастлив. Или, по крайней мере, доволен. Считался одним из крупнейших игроков на поле антиквариата. Ему это нравилось — увлекательно, приятно для самолюбия, новые знакомства. Но над всем этим висело и облако печали — им с Рут так и не удалось завести детей. Имя Дейли останется жить с его сыном-идиотом от первого брака с Шинед.

Теперь, оглядывая окружающую пустоту, он вдруг подумал, что вся жизнь была чем-то вроде плохой шутки. Тестом на выносливость. И если вникнуть во всю эту ветхозаветную муть, то получается, что каждый человек — Иов.

Что ж, по крайней мере одно он сделает наверняка: вернет часы, даже если это будет стоить ему жизни. И для начала поисков у него есть имя. Имя одного паршивца.

Гэвин Дейли прошел в гостиную с бледно-зелеными флорированными стенами, зелеными диванчиками и креслами. И снова тени на стенах. Мраморная каминная полка, на которой стояла когда-то потрясающая статуэтка Джакометти, теперь была пустая, голая, если не считать одной, напоминавшей о счастливых временах фотографии в рамке.

Эйлин, красивая, черноволосая, двадцативосьмилетняя, с любовью своей жизни, Брэдли Уокером, американским пи-

лотом, так похожим на Кэрри Гранта. В августе 1943-го он сидел за штурвалом Б-24, принимавшего участие в грандиозной и провальной операции «Приливная волна», целью которой было уничтожение нефтеперерабатывающих заводов Плоешти, в Румынии. Пятьдесят один бомбардировщик не вернулся тогда на базу, и Брэдли Уокер был в числе пропавших без вести, предположительно погибших.

Долгие годы Эйлин лелеяла надежду, что муж каким-то чудом выжил. Ей удавалось держаться, не падать духом. И у нее это получилось даже лучше, чем у него. Вот тебе и женщины, с грустью думал он. У многих из них внутренних ресурсов оказалось больше, чем у иных мужчин.

Он поднялся по лестнице на площадку, мимо радиатора, прикованной к которому Эйлин оставалась два дня, и вошел в ее спальню. После смерти мужа она поменяла двуспальную кровать на односпальную, смотревшуюся довольно странно в большой комнате, где до сих пор ощущался, пусть и слабо, ее запах. Возле подушки — мистер Стаффикинс, тряпичный одноглазый и одноухий медведь, привезенный сестрой из Нью-Йорка. Не забыть бы положить игрушку в гроб, напомнил он себе и взял с туалетного столика пару длинных черных перчаток от Корнелии Джеймс, чтобы положить их туда же. Эйлин бы это понравилось, подумал он; она всегда полагала, что женщина не может считаться должным образом одетой, пока не наденет перчатки. Он зашел ненадолго в ванную, потом спустился и повернул в ее кабинет.

Сначала Гэвин Дейли еще раз заглянул в стенной сейф — на случай, если вдруг упустил что-то в первый раз. Но там было пусто, и эта темная пустота отдалась в нем болью и гневом. Здесь лежали отцовские карманные часы. Единственная по-настоящему личная вещь, принадлежавшая когда-то ему и оставшаяся у них.

Он сел на стул у бюро орехового дерева. Черная паркеровская ручка в стакане с золотыми буквами HSBC — возможно, давнишний рождественский подарок от банка — на кожаном покрытии. Маленькие, в овальных рамках фотографии мужа, детей и ее самой. В ящиках полным-полно писем, счетов, марок. Чистый лист голубой гербовой бумаги, рядом конверт и незаполненная поздравительная открытка. Письмо, которое она собиралась написать и которое так и останется ненаписанным, и открытка, которая так и не будет послана. Дневника не было; вероятно, его забрали полицейские.

Гэвин Дейли выдвинул один из ящиков и тут же снова почувствовал, вместе со слабым древесным ароматом, ее собственный запах. Порывшись в бумагах, он достал кожаный фотоальбом с фотографиями находящихся в доме особенно ценных вещей. Делали их главным образом для страховой компании. Сестра собрала прекрасные коллекции картин, часов и мебели — все по его совету, — а некоторые вещи он купил для нее сам, по заниженной цене на договорном аукционе.

Гэвин Дейли положил альбом перед собой. Открыл. Первой должна была быть фотография незастрахованных золотых карманных часов «Патек Филип». Часов, которые их отец всегда носил в кармашке жилета. Стекло немного треснуло, головка погнулась, заводной вал застопорился, зубчатое колесико отсоединилось от центрального, и стрелки уже не двигались. Он не видел часы давно, с тех самых пор, как положил их в сейф, но легко мог представить во всех деталях. В последний раз он смотрел на них, чтобы проверить серийный номер, — став экспертом по хронометрам, он понимал, что они могут представлять большую ценность. И не ошибся.

Часы оказались очень редкими и даже в наилучшем состоянии стоили сегодня никак не меньше двух миллионов фунтов. В деньгах ни он, ни Эйлин не нуждались и продавать «Патек Филип» не намеревались. Оба хотели сохранить их в том же виде, в каком и получили. Гэвин частенько думал, что вот однажды починит их и будет носить с гордостью, но так и не смог заставить себя совершить такое. Покореженные, они связывали его с отцом, и возможная потеря этой связи пугала.

Он никогда не задавался вопросом, как отец, простой стивидор, обзавелся столь ценной вещью. Скорее всего, украл где-то.

Будучи душеприказчиком сестры, Гэвин знал, что она оставила все — за исключением пожертвований на благотвори-

тельность и подарков прислуге — своей внучке. Он смотрел на завещание, и слезы подступали к глазам, а в ушах звучал призрачный голос из прошлого. Как же давно это было.

На манхэттенской пристани, в 1922-м. Он стоял там, маленький мальчик, с сестрой и тетей, когда парнишка в кепке пробился через толпу и сунул ему в руки тяжелый сверток с револьвером, часами и газетной страницей.

Запомни цифры.

Девяносто лет он пытался разгадать загадку — что имел в виду тот парень в кепке? И теперь боялся, что сойдет в могилу, так и не узнав ничего.

Слезы катились по щекам. Его переполняла невыносимая пустота.

«Я верну тебя, — молча пообещал он. — Чего бы это ни стоило, я верну тебя».

Гарету Дюпону нравились современные церкви. Особенно ему нравилась церковь Доброго Пастыря в Портслейде. В этом районе к западу от Брайтона, располагавшемся неподалеку от Шорэмской гавани, прошли его детские годы, и, сколько он себя помнил, его всегда тянуло к этому угловатому кирпичному зданию. Господь ведь не только старье создавал, всегда думал он. Здесь ему было куда легче общаться с Богом, чем в какой-нибудь пыльной старой церквушке.

Он прошел под знак, гласивший:

**В ЭТОЙ ЦЕРКВИ НЕТ ЧУЖАКОВ —
ТОЛЬКО ДРУЗЬЯ, С КОТОРЫМИ
ВЫ ПОКА НЕ ВСТРЕТИЛИСЬ**

Втянув запах искусственно высушенной древесины, политуры и свечного парафина, Гарет Дюпон направился к боковому нефу и присел на скамью, положив «Аргус» рядом с собой. Потом преклонил колени, закрыл глаза и, сложив руки замком, крепко сжал их — так, как учила мать; предполагалось, что именно так следует молиться. Опять же, предполагалось, что он будет ходить в католическую церковь, но он предпочел англиканскую и ощущал себя там в полной гармо-

нии с Богом. В особенности потому, что англиканская церковь не возражала против развода благодаря Генриху VIII и, как следствие, супружеской неверности. А он сейчас как раз крутил с двумя дамами, из которых одна была свободной, а другая — очень даже замужней. Играл с огнем. Он любил огонь.

Когда Гарет вышел, было уже четверть восьмого. Надо спешить домой — принять душ и переодеться; в восемь ему нужно заехать за Суки Янь, с которой он договорился поужинать в «Спунс». Пару часов назад Гарет раздумывал, не сводить ли ее в какое-нибудь более дешевое заведение, но теперь это уже не было проблемой.

Он залез в «порше», но крышу опускать не стал и быстро пробежался по клавишам телефона.

Ответил знакомый голос, жесткий, агрессивный.

— Это Гарет Дюпон, — сказал он.

— Не люблю, когда мне звонят на мобилу, что тебе нужно?

— Я только что видел «Аргус».

— И что там?

— Нечто весьма заманчивое.

— Ты что, спятил?

— Вовсе нет. Я бы хотел поговорить о деле. Почему бы нам не пересмотреть условия договора?

— Все, отключаюсь. Встретимся в пабе «Альбион», что на Черч-стрит в Хоуе, в восемь часов.

Дюпон подумал о свидании с Суки Янь.

— В восемь проблематично.

— Только не для меня.

«У Труды» был одной из немногих приятных достопримечательностей, которыми мог похвалиться Суссекс-Хаус, думал Грейс. Бывшее управление уголовных расследований — переименованное ныне в департамент насильственных преступлений и юстиции — располагалось в унылой промышленной зоне. Но в этом передвижном кафе, находившемся буквально под боком, делали самые лучшие в графстве бутерброды с беконом, а обслуживали клиентов самые веселые и жизнерадостные официанты. Вопреки всем стараниям Клио убедить его есть только здоровую и полезную пищу, Грейс по пути на работу, в семь часов утра, частенько брал у них яичницу и тот самый бутерброд с беконом.

Но в это утро он настолько ушел в изучение журнала регистрации тяжких преступлений, сочинение ответов на свалившуюся гору имейлов и заполнение очередной анкеты от обвинителя по делу Веннера, что совершенно забыл съесть свой завтрак.

Теперь, уловив минутку, Грейс торопливо наверстывал упущенное, не обращая внимания на то, что яичница и бутерброд уже остыли, и запивая все кофе. Одновременно он просматривал материалы, подготовленные к рабочему совещанию по операции «Камбала», и прислушивался к шуму дождя за окном. Название операций выдавал, выбирая их

наугад, полицейский компьютер. В данный момент машина отработывала список рыб. «Камбала» в какой-то степени даже соответствовала текущему расследованию, потому что Грейс, измученный очередной бессонной ночью — спасибо Ною, — чувствовал себя рыбиной на берегу.

Со дня смерти Эйлин Макуиртер прошла неделя. Само ограбление, по приблизительным оценкам, произошло во временном промежутке от шести до девяти часов вечера вторника, 21 августа. Исходя из предположения, что преступников было трое, им понадобилось бы не меньше двух часов, чтобы вынести вещи из дома, упаковать и погрузить в машину. После этого грабители все равно что растворились в воздухе с антиквариатом и картинами на десять миллионов фунтов. А через девяносто минут Грейсу предстояло докладывать своему боссу, заместителю главного констебля Риггу, о последних успехах следствия.

Прекрасно.

Расследование убийств было для Грейса работой, которую он любил и которой хотел заниматься до конца карьеры. Началось это много лет назад, когда он, тогда еще молодой детектив-констебль, принял участие в своем первом деле. Обычно в начале каждого нового дня расследования он ощущал прилив сил и энергии, независимо от того, как поздно лег спать. Но в это утро суперинтенденту приходилось делать над собой усилие, чтобы не расклеиться.

Грейс посмотрел на большую цветную фотографию изре-

занного морщинами, но все еще красивого лица старой леди. Рядом, на той же белой доске, висели снимки трех различных отпечатков обуви и взятых из каталогов образцов кроссовок, которые могли их оставить. Две других белых доски были увешаны фотографиями антикварной мебели, картин и украшений, украденных из дома на Уитдин-Роуд.

Убранные назад седые, элегантно завитые волосы Эйлин Макуиртер удерживала усыпанная рубинами заколка. Глаза, пронзительные, но ясные и теплые, смотрели на суперинтендента через стекла очков в толстой черепаховой оправе. На ней была белая блузка с вышитым воротничком, в ушах — жемчужные сережки, на морщинистой шее — цепочка со старинной жемчужной подвеской. Мудрая, достойная, элегантная женщина.

Наверное, в молодости была красавицей, подумал Грейс. Такой бабушкой гордился бы каждый. На протяжении всей своей карьеры он питал особенно неприязненные чувства к подонкам,рывающимся в чужие дома, тем более в дома пожилых, незащитных людей.

В запертом — чтобы в него не заглядывали любопытные уборщики — ящике стола лежал небольшой альбом с фотографиями с места преступлений. Много повидавший и ко многому привыкший, суперинтендент с содроганием смотрел на некоторые снимки, сделанные в морге криминалистом Джеймсом Гартрелом. Вспоминая сейчас эти снимки, зафиксировавшие нанесенные женщине ужасные раны,

Грейс внутренне сжимался от гнева и отвращения.

Не дожив восемнадцати месяцев до столетнего юбилея и полагающегося по такому случаю традиционного письма от королевы, Эйлин Макуиртер стала жертвой жестокости, произведшей угнетающее впечатление даже на самых закаленных членов следственной группы. Вскрытие обнаружило ожоги на теле, нанесенные, очевидно, с помощью раскаленных щипцов для завивки, обнаруженных на полу в спальне.

А вот относительно того, кто мучил и пытал пожилую даму, вскрытие не дало почти ничего. Отсутствие частичек кожи под ногтями указывало на то, что ей, по-видимому, не удалось поцарапать никого из них. А жаль. Грейс подумал, что, наверное, испытал бы злорадное удовлетворение, узнав, что она ухитрилась вырвать у кого-нибудь из мерзавцев глаз.

Единственными обнаруженными ключами были три отпечатка обуви, которые не совпадали с отпечатками тех, кто обычно бывал в доме, — приходящей два раза в неделю домработницы, садовника, жены ее племянника, Сары, и брата. Копии отпечатков были отправлены судебному врачу-ортопеду Хейдну Келли, уже сумевшему с помощью современных технологий провести — с потрясающими результатами — идентификацию походки и установить тип обуви, которую носили преступники.

Странно, размышлял Грейс, как сильно изменилось его восприятие насилия за два месяца после рождения Ноя. О том, что такое может произойти, он прочитал в одной из книг

для будущих родителей.

Над фотографиями на белой доске шла сделанная черным маркером надпись:

ОПЕРАЦИЯ «КАМБАЛА»

ПОСТРАДАВШАЯ — ЭЙЛИН МАКУИРТЕР.
РОДИЛАСЬ 24 АПРЕЛЯ 1914. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ
ВРЕМЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19
АВГУСТА — СРЕДА, 22 АВГУСТА

Ниже висел представленный братом умершей, Гэвином Дейли, список украденных из дома вещей.

Но что более всего занимало Роя Грейса в данный момент, так это два листка компьютерной распечатки со стандартными иконками и диаграммами генеалогического древа.

Он проследил сначала горизонтальные, потом вертикальные линии. Черная горизонтальная указывала стрелкой на Гордона Томаса Макуиртера, ныне покойного, родившегося 26 марта 1912 года. Ее муж, решил суперинтендент.

Первая вертикальная красная стрела вела к умершим детям, а вторая — к внучке. Слева от них еще одна красная показывала на Брендана Дейли и Шину Дейли. Надпись под Шиной Дейли гласила: «Родилась 19.09.1897 — умерла 18.02.1922». Под Бренданом было написано: «Родился 07.08.1891, пропал без вести, предположительно умер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.